

Искорка

С подъёмом

1. Бо-ро-ны-е кони скачут по ро-
си-и. Го-ря-чи их молодые седоки. То связ-
ны-е скачут в дали грозо-вы-
-е, лица запы-лён. ные, дымом о. па-
лён. ные вис-ки. 2. Коман-
3. -лён. ные вис-ки.

8

Тесты о связных

Слова Л. БАРБАС

Музыка В. ВИТЛИНА

Вороны
Кони скачут по России,
Горячи их
Молодые седоки.
То связанные
Скачут в дали грозовые,
Лица запylённые,
Дымом опалённые
Виски.

ПРИПЕВ:

Командиры
Ждут и ждут их
Терпеливо.
Хлопцы живы,
Просто долог длинный путь.
Степь с левадою,
Кони в мыле,
Ночь с засадою,
А привал потом,
когда-нибудь.

В окруженьё
Ждут под утро донесенья,
Днём сраженьё,
Приготовились полки.
След кровавый
Под Ростовом,
Под Полтавой,
Лица запалённые,
Дымом опалённые
Виски.

ПРИПЕВ.

С той войною,
С той порою
Нас связали те связные,
Расстоянья вопреки.
Знамя вьётся,
Через годы скачут хлопцы,
Лица запылённые,
Дымом опалённые виски.

ПРИПЕВ.

ФЕВРАЛЬ • 1973

год издания XVII

ЕЖЕМЕСЯЧНИК газет
«Мелничские
искры» -
отдел
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В. И. Ленина

Рис. Г. Ясинского

В. ФАРБЕРОВ,

ПОЛКОВНИК В ОТСТАВКЕ

АЛАЯ ЛЕНТА

Рисунки Ю. Шабанова

ЗА ГЕРОИЗМ, проявленный в боях с белогвардейцами и иностранными интервентами, легендарный герой гражданской войны генерал армии И. Р. Апанасенко был награждён тремя орденами Красного Знамени. Но у него была ещё одна награда, которой он не меньше дорожил и гордился, — алая лента с вышитой надписью. Об этой награде талантливого военачальника мало кто знает, и мне хочется рассказать о ней.

В 1939 году я работал в окружной газете «Фрунзевец». Однажды по делам службы меня вызвал к себе на квартиру командующий Среднеазиатским военным округом командарм 2-го ранга Иосиф Родионович Апанасенко. В его кабинете и увидел я впервые широкую алую ленту с любовно вышитой надписью.

— Интересуетесь? — видя, с каким вниманием я рассматриваю ленту, спросил командарм.

— Очень!

Лента, по-видимому, была связана с дорогими для Апанасенко воспоминаниями, и он, погладив её рукою, бережно положил в стоящий на столе ларец.

— Это старая история, — пригласив меня сесть, сказал Апанасенко. — Она связана с установлением советской власти на моей родной Ставропольщине.

Немногословный ответ ещё больше разжёг моё любопытство, и я попросил Иосифа Родионовича рассказать подробнее.

...ГРЕМЕЛ 1918 год. Совсем недавно вернулся с фронта полный георгиевский кавалер

лер, бывший батрак Иосиф Родионович Апанасенко, и вот снова надо браться за оружие. На этот раз с царскими генералами, с местными богатеями драться. Создал Апанасенко в родном селе Митрофаньевском революционный отряд. После нескольких горячих схваток с белогвардейцами отряд этот к осени превратился в могучую силу: уже девятнадцать тысяч красных бойцов в начале сентября двигались к границе Ставропольщины с Доном. В районе сёл Магадын-Сала и Тахта завязалось кровопролитное сражение с денкинскими частями. Сёла неоднократно переходили из рук в руки.

Во время одной из атак Апанасенко приказал своему 4-му кавалерийскому полку обойти врага с левого фланга, неожиданно ударить, вызвать в его рядах панику и уничтожить. Скрытно сделать это не удалось: заметили беляки нашу конницу, открыли по наступающим ураганный пулемётный огонь. Конникам ничего не оставалось делать, как спешиться и залечь.

Нужно было во-что бы то ни стало подавить огонь белых. Но пушек в отряде не было, пулемётов мало...

Что делать? Люди же гибнут!

Апанасенко решился на смелый, но очень рискованный шаг. Он переоделся в кубанскую офицерскую черкеску, взял станковый пулемёт, которым в царской армии научился владеть в совершенстве, и

установил его на открытую легковую машину, отбитую у белогвардейского генерала.

— Трогай и держись крепче! — приказал он шофёру. — Поедем с тыла бить белогвардейцев!

Дорога в тыл белых охранялась. С первой заставой Апанасенко легко справился. Длинной очередью из пулемёта он на ходу расстрелял пятерых преградивших ему дорогу казаков. Хуже было со второй. Когда машина приблизилась к ней, два всадника, подняв винтовки, приказали остановиться. Автомобиль продолжал двигаться. Над головами едущих засвистели пули. Апанасенко приказал шофёру затормозить.

К машине, держа винтовку наготове, помчался всадник.

— Ты по кому стреляешь, мерзавец! — накинулся на казака Апанасенко, когда тот подъехал к автомобилю. — Не видишь разве, что генеральская машина?

— Не приметил, — подозрительно оглядывая Апанасенко, ответил конник. — Позвольте ваши документы!

— Что? Это что ещё за новости! — закричал на казака Апанасенко. — Ты что, пьян, скотина! Я тебе покажу, как у адъютанта генерала Шкуро спрашивать документы!

Казак действительно был под хмельком. Боясь, что от него сильно несёт винным перегаром, он отъехал на несколько шагов от автомобиля.

— Ни, ваше благородие, не пьян, — убрав винтовку и

приложив правую руку к головному убору, икнув, произнёс он. — После вчерашнего я лишь чуток опохмелился.

— Видно, что чуток! Плохо несёшь службу! Вот доложу генералу — он тебе всыплет!

— Не надо, не губите ваше благородие. Обещаю сегодня больше к фляге не прикасаться.

— Ладно, — сказал Апанасенко, — твоё счастье, что не-

когда мне с тобой возиться. Укажи, как в штаб проехать, пакет нужно срочно доставить.

— Сейчас, мигом, — обрадовался казак. — Вон туда вам...

Треми пулемётных очередей указали Апанасенко, где искать вражеские огневые точки. Одна находилась совсем рядом, на крыше помещицкой усадьбы, и он приказал шофёру ехать к строению. Пулемёт-

чик, заметив в подкатившей машине офицера с «максимом», обрадовался и крикнул:

— Эге, ваше благородие, помогать приехали?

— Сейчас помогу! — ответил Апанасенко. — Скажи, где остальные?

— Вои у овина стреляет, а ещё — за погребком, — указал пулемётчик. — Патроны нужны.

— Сейчас получишь! — крикнул Апанасенко и очередью из пулемёта скосил расчёт огневой точки.

У овина пулемёт тархтел непрерывно. Расчёт так был увлечён стрельбой, что и не заметил, как подъехала машина. Апанасенко дал очередь по пулемёту. Замолк и этот.

К третьему Апанасенко подкатил, когда расчёт возился с лентой. Что-то заело в приёмнике, и «максим» молчал. Увидев машину с офицером, наводчик поднялся, чтобы доложить о случившемся, да не успел и руку к козырьку поднести.

Вражеские пулемёты замолчали. Но впереди мелькали фигуры казаков, собиравшихся атаковать красных кавалеристов. Вот-вот лавиной ринутся они на спешенных партизан и сомнут их. Апанасенко дал очередь в самую гущу белогвардейских конников. Он расстреливал их до тех пор, пока в кожухе не закипела вода.

Получив неожиданный удар в спину, казачьи сотни заметались. Но немногие спаслись бегством.

Вскочив в сёдла, кавалери-

сты Апанасенко бросились вдогонку и в стремительной атаке почти всех изрубили.

Разгром белых на левом фланге решил успех боя. Апанасенко решил разместить бойцов на ночлег в отбитых у врага сёлах. Задымили бани, в черном воздухе поплыли запахи свежих щей и жареной баранины. Вскоре улицы огласились звуками гармоник, песнями. Но вот они смолкли. Уставшие в бою люди уснули. Бодрствовали лишь часовые да какие-то люди в деревне Тахта переходили из дома в дом, о чём-то шептались, советовались, рылись в обитых железом сундуках, а женщины вышивали. Среди мелькавших теней можно было видеть и фигуры в длинных кавалерийских шинелях.

Ночь прошла спокойно.

Забрезжил рассвет. Сигнал горниста поднял воинов на построение. Провожать отряд вышло всё население. Апанасенко прошёлся вдоль строя, вроде остался доволен своими орлами, хотел уже дать команду на движение, но заметил приближавшуюся к нему делегацию. Она состояла из местных жителей и конников его отряда. Возглавлявший делегацию седобородый крестьянин низко поклонился и протянул Апанасенко на подносе алую ленту.

— Наша советская власть, — сказал он, — пока ещё не имеет своих орденов. Так пусть же эта лента будет тебе наградой от жителей нашего села и твоих воинов за то, что

вчера разбил генеральское войско!

Старик попросил Апанасенко наклониться и перекинул через его плечо ленту, на которой было вышито: «Борцу за коммунизм И. Р. Апанасенко от населения и 4-го кавполка».

— Ура! — закричали воины и провожающие. В воздух полетели фуражки.

— Спасибо! — горячо сказал Апанасенко и повёл свой отряд очищать советскую землю от белогвардейской нечисти.

...ЭТО БЫЛ первый бой Апанасенко и его первая победа над деникинскими войсками. В дальнейшем их было много. Командуя бригадой и дивизией, Апанасенко в составе конного корпуса, а затем 1-й Конной армии С. М. Буденного громил войска белогвардейцев под Воронежем, Касторной, Ростовом. Изгонял он из советской земли и белополяков.

После окончания гражданской войны Иосиф Родионович

Апанасенко командовал соединениями, был командующим Среднеазиатским военным округом, Дальневосточным фронтом. Погиб генерал армии И. Р. Апанасенко 5 августа 1943 года в бою под Белгородом. В этом городе ему установлен памятник.

Народ не забыл своего верного сына. Его именем названы колхозы, село, где он родился, район на Ставропольщине.

Ещё при жизни Иосифа Родионовича его соратники по борьбе с белогвардейцами сложили о нём песню:

*Не густые тучи в осень
Над долинами легли,
Апанасенко Иосиф
Вывел конные полки.
Вспомним грохоты и грозы,
Как в атаку нас водил
Апанасенко Иосиф,
Наш отважный командир.*

Похоронен Иосиф Родионович Апанасенко в Ставрополе. На его могиле всегда живые цветы.

(Из воспоминаний военного шофёра)

П о г о н я

ЕЩЕ МАЛООБСТРЕЛЯННЫМ солдатом-шофёром попал я на Ржевское направление. В ту пору здесь шли особенно кровопролитные схватки с врагом — сутками не смолкал густой орудийный гул, знобило землю.

Гитлеровцы так и писали в разбрасываемых с самолётов листовках: «Если возьмёте Ржев — возьмёте Берлин!»

Верили они в неприступность хорошо укреплённого Ржева. На высоких берегах Волги танки врага даже были вкопаны в землю — вращались только их башни, изрыгая смерть всему живому.

Когда я поехал подо Ржев, один опытный водитель посоветовал: — Будешь подъезжать близко — стёкла кабины замажь грязью, чтобы не блестели от солнца! Кое-кому эти солнечные зайчики дорого обошлись — выдают они идущую машину на большом расстоянии. А ещё к кузову веток прибей побольше!

Выехал я с большой осторожностью. Издали в меня не стреляли, но зато попал под жестокую бомбёжку.

Объехав кое-как крутую воронку, еду дальше. И вдруг впереди, почти у самой дороги, стали вырастать огромные столбы огня и дыма. Всё ближе, ближе ко мне бегут столбы эти. Вот уже совсем рядом!

Не помня себя, я не выпрыгнул, а скорее вывалился из кабины, упал в глубокий кювет, лицом в жёсткую траву... Прогрохотало ещё три или четыре взрыва, но уже с другой стороны — позади!

Когда я оторвал лицо от земли и немного опомнился — испугался не меньше, чем при бомбёжке. Моя машина «ЗИС-5» ехала уже довольно далеко впереди и всё удалялась! Оказывается, я в суматохе забыл выключить зажигание, а питание машины было переведено

на рычажок ручного газа. Глубокая колея дороги не позволяла колёсам свернуть в сторону, и машина на второй скорости ехала одна!..

Что было сил бросился я догонять свою машину, но от быстрого бега, а ещё больше от волнения силы мои начали быстро сдавать. Во рту сухо, горло сдавило, сердце готово было выпрыгнуть из груди, ноги подкашивались... Оступившись в какую-то колдобину, я упал и тут же в ужасе пополз в сторону: на расстоянии не более метра на меня смотрела мутными глазами черногровая голова лошади. Одна голова! Без туловища!

Тут я вспомнил, что когда ехал, то видел: впереди паслись лошади. Значит, бомбы попали в этот табун и разметали его...

И, словно подтверждая мою догадку, где-то рядом раздалось ржанье лошади. Меня будто живой водой вспрыснуло — я бросился на ржанье.

К неописуемому моему счастью, в неглубоком овражке стояла лошадь! Когда я, шатаясь, подходил к ней, она и не подумала убежать, наоборот, казалось, тоже обрадовалась человеку!

Вскочив на чалую, я отстегнул свой ремень, слегка подхлестнул её. Управлять лошастью я тоже стал с помощью ремня — он на время стал моим рулём! Или, вернее, вожжами: только если надо было

повернуть направо — я махал ремнём перед мордой лошади слева, и наоборот!..

Кобыла оказалась молодой и проворной. Вылетев на дорогу, я во весь опор полетел за своей автомашиной. И скоро догнал её. Но разгорячённую лошадь нельзя было остановить одним «тпру», она перегнала машину и понеслась дальше... Ещё сидя верхом, я увидел идущую встречную машину. Надо было во что бы то ни стало спрыгнуть. Перекинув правую ногу, подождав несколько мгновений, пока доскачем до крутого песчаного откоса, я оттолкнулся от холки лошади и, перекувырнувшись несколько раз, покатился по откосу.

Покачиваясь на неровностях дороги, моя машина подъезжала ко мне. Здесь глубокая колея уже кончалась, и неуправляемый «ЗИС-5» мог повернуть куда ему заблагорассудится!

Я побежал навстречу, быстро вскочил на подножку, распахнул дверцу и вцепился в штурвал.

Через две-три минуты мы уже разъезжались со встречной пяти-тонкой.

Проехав километра два вперёд, я увидел свою помощницу: пома-хивая хвостом, разгоняя назойливых мух, она уже спокойно щипала под косогором сочную траву. Остановив машину, я подошёл к ней, достал свою хлебную пайку, густо посыпанную солью.

Широкие, белые, лопатистые зубы нежно взяли лакомство с ладони и с большим удовольствием стали его разжёвывать. Лошадь ела солдатский хлеб, чуть покачивая головой, видимо, желая отогнать наседавших оводов, а мне показалось, что она кланяется — благодарит меня. А может, и так!

Поцеловав чёрную мягкую губу лошади, я побежал к машине.

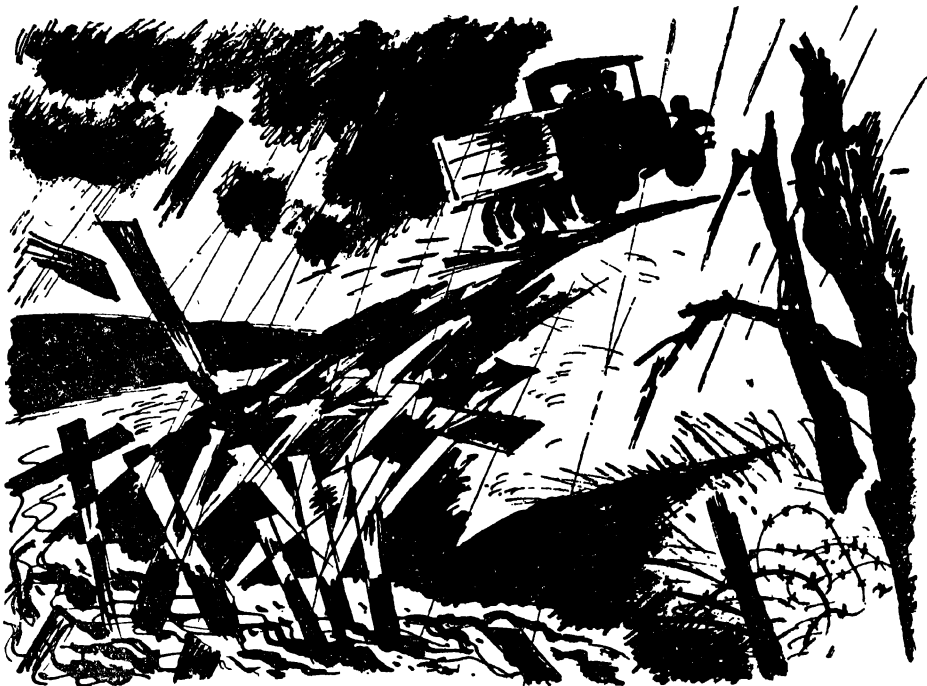
Два мои мостка

СКОЛЬКО дорог за войну пришлось изъездить военным шофёрам! И не упомнишь все. А начну вспоминать — встают передо мной два моста. Один там же, подо Ржевом, другой — не遠далеке, тоже в Калининской области.

Я спешил в свою часть. Опустив стекло дверцы кабины и высунувшись, старался хоть как-то разглядеть ночную дорогу. Фары и подфарники включать не посмел — из чёрного неба то и дело протягивались к земле стремительные разноцветные струи трассирующих пуль — враг был над головой! Приходилось напряжённо вглядываться в темноту. Дорога проступала едва заметными сероватыми пятнами. От пятна до пятна я ехал через чёрные слепые участки. Иногда от усталости появлялись и ложные пятна, тогда приходилось останавливать машину и, плотно закрыв глаза, немного посидеть.

Я торопился: было приказано явиться с продуктами в часть к четырём утра.

В небе вспыхнуло несколько вражьих «люстр» — осветительных ракет, подвешенных на парашютах. Стало светло до боли в глазах. На дороге было пустынно, только на левой стороне поля я различил железные копны танков. Через некоторое время люстры погасли, и ночь стала чернее, чем была, словно в неё кто-то подсыпал сажу! Опять из глубины неба полетели зелёные пули. Совсем рядом раздалось несколько оглушающих взрывов бомб. Красные клыки огня снова в клочья разодрали мрак ночи. Но вскоре всё успокоилось.

Из темноты всплыло большое серое пятно и исчезло. Я поехал на него по памяти...

И вдруг машина встала. Как вкопанная. Мотор заглох. «Что за фокус! — подумал я. — Перебоев не было, не чихала машина — а вот!»

Аккумулятор мой еле дышал — пришлось брать заводную ручку и выходить из кабины в сплошную темень.

Небо наполнено пружинистым гулом бомбовозов. Скользя рукой по машине, я добрался до пробки радиатора, и только хотел стать левой ногой поближе к буферу, нога не нашла землю — повисла!.. В страхе я отпрянул назад. Наклоняясь, нащупал руками какой-то камень, подложил под заднее колесо, быстро поставил машину на ручной тормоз.

Оказывается, пока я ездил за продуктами, мост разбомбили, а большим серым пятном оказались выброшенные взрывом доски.

Говорят, чудес не бывает. Не буду спорить, а что они на шофёрских фронтовых дорогах водились — не сомневаюсь!

— Разве это не чудо? — спросил я помпотеха, рассказав о случившемся, когда приехал в часть.

Прежде чем ответить, он спросил:

— А завелась машина сразу, не капризничала?

— С полоборота завелась! — ответил я.

— Ну, что могу сказать, — побарабанив пальцами, изрёк помпотех. — Чудо не чудо, а крайний случай!..

ЧЕРЕЗ ГОД подъехал я и ко второму своему мосту.

Бензин тогда строжайше экономили: немцы подбирались к Кавказу! К Баку лезли. А дороги в Калининской области раскисли, не вылезешь без буксовки. А на буксовке столько горячего сожжешь — и сказать страшно!

Замерил я щупом горячее в баке — не разгуляешься! А тут ещё дождь хлынул. «Если я по старой дороге поеду, — не хватит бензина,

избуксую его! А если по новой — куда ближе», — подумал я. Но, если по новой ехать, необходимо проскочить один «мосток», как его называл колхозный сторож, у которого я ночевал.

«Мосток, — говорил он, — ветошный, машин не держит. А подводы порожняком с опаской, но ещё пробегают! Перестраивать хотели — да вот немец не дал!»

Я решил всё осмотреть сам. Залез под трухлявый мосток: сваи тонкие, будто на комариных ногах мосток стоит, и то они, свайки-то, червями изъедены, словно в шрамах, а некоторые и вовсе ноздреватые! Сев на корточки, я задымил елецкую махорку, чтоб мозги прочистить, и стал рассуждать: «Раз бензина по той дороге не хватит, значит, не доеду, а небо не даёт земле высохнуть. Значит, что? — спросил я сам себя. — Что делать? — И сам себе ответил: — Рискнуть надо!»

Мост между двух крутых склонов, в кузове — перегруз, — это не в мою пользу, конечно! Был бы груз штучный, перетаскать можно, а то навалыный, насыпной — картошка! Ох как её ждут стриженные ребята! Была не была — поеду через этот мосток! Но поеду с разгоном. Важно за тот берег колёсами зацепиться.

— Ты что, солдатик, с ума сошёл! — забранилась жена сторожа, когда узнала, что я по мостку ехать хочу. — Кто же по этой развалине да ещё с грузом ездит! Я по нём, по мостку-то этому, корову и ту гонять боюсь, всё вброд переходим!.. Подол не просыхает!

— Нет, поеду! — сказал я. — Обстоятельства требуют!

Бабушка рассердилась не на шутку:

— А поедешь, так скажи, на каком кладбище хоронить тебя, — у нас ить два их! Родителей не жалеешь, адрес их хоть оставь!

— Чего мелешь, старая, — заворчал дед. — Военное дело — надо, значит! — А сам вздохнул.

Когда я пошёл садиться в машину, бабушка, увидев торчащий в кузове лом, взяла и выдернула его, бросила с крутого берега.

— Зачем железяка, тяжесть-то лишняя?!

Я завёл машину, дал задний ход, чтоб места было для разгона побольше, и махнул прощально из кабины рукой.

— Постой, постой, сынок, дай я тебя заместо матери поцелую — может, на тот свет идёшь! — прокричала бабуса.

Дед снова цыкнул на неё. А я включил вторую скорость и, добравшись до четвёртой, дал полный газ. Машина будто сделала низкий поклон мостку — «потрудись, мол, выдержи!» — и ринулась под уклон со скоростью, на которую только была способна.

Подлетая к мостку, я на секунду струсил.

— Назад уже поздно! — крикнул я сам себе и ещё плотнее придавил педаль газа.

Мост был узок, с одной перилиной, и я не смотрел на него, а сразу впился взглядом в другой берег. Мысленно я был уже на нём — на другом берегу, опережая действительность!..

Помню только, что мост спружинил, — он словно лягнул мою машину под брюхо, и она, проскочив мост, взмыла на крутой подъём. Тут я и остановился, чтобы в последний раз махнуть рукой моим сердобольным хозяевам. Но только вышел из кабины — обомлел: моста не было! Мутная речка тащила брёвна и обломки досок...

Вот они какие, военные дороги, были.

ДВЕ ИСТОРИИ, о которых мне хочется рассказать, произошли во время войны в немецкой крепости Вюрцбург. Этот старинный замок фашисты приспособили под тюрьму. Заключённые, которые находились там, отличались от узников других тюрем и лагерей. Фашисты заточили сюда моряков торгового флота разных стран мира.

Известно, что Германия нападала хищно, без объявления войны. Никто не ожидал такого вероломства, и поэтому до последнего момента приходили в порты «третьего рейха» торговые корабли с мирными грузами.

22 июня 1941 года в портах Германии стояли и советские суда. Их захватили у стенок гаваней, во время разгрузки. Есть правило, по которому в заграничных портах судам запрещено пользоваться своими рациями, и наши моряки ничего не могли сообщить на Родину. Есть другое международное соглашение, оно гласит, что захваченные в плен торговые моряки (они называются интернированными) должны быть отправлены домой. Но и это соглашение бессовестно нарушалось. Всех моряков тайно свозили в лагерь-крепость Вюрцбург.

Комсомольцы Балтийского морского пароходства тщательно, бережно, скрупулёзно собирают историю торгового флота. И совсем недавно они открыли новые страницы о моряках — узниках крепости Вюрцбург.

А. КОНГРО

Рисунки П. Вискова

Г Р У Ш И

«За приближение к проволоке, за шаг в запретную зону — расстрел», — гласил один из пунктов правил лагеря-крепости Вюрцбург. Моряки не сомневались в усердии часовых. Но если и не приближаться, результат оставался прежним. Смерть лишь меняла лицо. Вместо пули — истощение, голод.

С той стороны лагеря параллельно проволоке шла аллея. По её обочине — шеренга деревьев, груш. На сочных плодах блестит утренняя роса. Приближаться нельзя — расстрел. Равнодушно разгуливает часовая.

Добычей груш подпольная организация поручила заняться особой группе. Фрукты — это спасение для больных, ис-

тощённых товарищей. Группу составили добровольцы. Сейчас кажется, сугубо мирное занятие — сбор плодов, а ценилось оно в лагере под стать минному делу, где человек ошибается один раз.

Часовые каждый день были разные, с разными характерами. Один мог выстрелить без задержки, другой, бывало, и отвернётся, будто не видит. В короткой импровизированной разведке требовалось — и это было главным! — раскусить характер охранника и его реакцию на нарушение «табу» — запретной зоны.

В то августовское утро часовой попался престранный. Один из моряков пустил пробный шар: по-немецки спросил о грушах. Другие жестами, ми-

микой показывали, как плохо и голодно больным в лагере. Один лёг, а товарищ знаками объяснил, что тот болен и голоден. Часовой не тронулся с места, молчал: поигрывал автоматом, словно не понимал. Дипломатическое терпение моряков иссякло, и они, не стес-

няясь в крепких выражениях, перебрали всю родню фрица до седьмого колена. Часовой прослушал вроде даже с удовольствием и зашагал прочь.

Тут наступил момент лихорадочной деятельности. Палки, камни, куски железа полетели в деревья, прошивая, от-

стреливая листву. Время от времени слышался сочный стук груш оземь. Оставалось подкачать их осторожно под нижний ряд проволоки. Кто-то уже цеплял плоды прутьями, словно удочками... И тут послышался хруст гравия. Часовой возвращался. Пришлось спешно ретироваться за отметку запретной зоны. Немец глянул на груши, на моряков... И спросил вдруг на чистейшем русском языке, даже с каким-то старинным петербургским произношением: есть ли здесь его земляки из Петербурга? А если есть, кто из них?

Моряки прямо опешили. Вспомнили свою виртуозную ругань в адрес этого фальшивого «фрица». Нестройно ответили: все мы из Ленинграда.

— Из Петербурга! — сурово поправил «немец».

Моряки промолчали. Груши всё ещё оставались за проволокой, а в лагере их ждут больные.

— А знаете, — продолжал «фриц», — немцы уже взяли город, сейчас гуляют по Марсову полю.

«Вот, гад, куда клонит!» — подумал Мудров и ответил «фрицу», что, мол, всякое в га-

зетах брешут, бумага терпит. И снова спросил про груши.

— Признайте, что вермахт на Марсовом поле, и тогда забирайте всё, что насшибали, — упёрся проклятый «фриц».

Моряков мутило от голода, а в лагере ждали больные товарищи, чья жизнь зависела от этих чужих плодов. Надо было во что бы то ни стало принести груши. Но признать, что немцы уже в их городе!? Моряки молчали. Часовой поигрывал автоматом. Иванов глубоко вздохнул и ступил вперёд:

— Согласен. Пусть там немцы сейчас. Наши ещё там будут, на Марсовом поле.

Часовой засмеялся, закинул автомат за спину. Человеку дрянному всегда как-то легче на душе, если и другие себя чем-нибудь запятнают.

Моряки уходили с грушами. А когда зашли за барак, Иванов крикнул фальшивому «фрицу»:

— В каком это районе Берлина ваше Марсово поле? Наши туда придут!

Часовой начал было стаскивать с плеча автомат, но опоздал. Моряки уже скрылись в лагере. И остался фальшивый «фриц» заново осмысливать разговор.

О П Е Р А Ц И Я «И В А Н Г Р О З Н Ы Й»

Чуть брезжил рассвет. Как обычно, лагерников построили на плацу. От бывшего морского шика не осталось и следа. На плечах — отрепья чу-

жих, французских, мундиров, брюки прихвачены кое-как обмотками. Обычное утро лагеря-крепости Вюрцбург. Перекличка.

Перед строем охрана, лагерное начальство. Фельдфебель Вельфель, по прозвищу Волк, крутится ищейкой, шарит по лицам русских змеиным взглядом. Люто ненавидят его заключённые: службист, гестаповец, — хитрый и самый жестокий человек в лагере. Вельфель бывший филер сыскальной полиции.

Распределяет на работы другой фельдфебель. Этот явно

соответствует нарицательному значению своего чина-звания — «фельдфебель». Жирный, самодовольный, туповатый подхалим. Его заключённые окрестили «Овец». Идёт переключка...

— Тульский, Берёзкин, Рекашев... — гнусаво читает немец. — На разгрузку вещей, на склады...

На склад попадают пятеро моряков и чех. За ними надзи-

рают двое охранников. Дело рабочей группы: таскать, раскладывать, паковать вещи. Всё, что было где-то награблено гитлеровцами. Работа тошная, но только за неё дают хлеб. В лагере за «так» не кормят. Механически двигаются руки, равнодушно скользят глаза. И вдруг их внимание привлекла необычная вещь. Даже захолонуло внутри. На полке лежит небольшой приёмник. И у всех одновременно — дерзкая мысль...

Приёмник, будто случайно, столкнули, завалили вещами.

Возбуждённые возвращались в лагерь. Доложили подпольной организации. Посоветовались. В принципе получили «добро». Но риск был велик. Поймают — расстрел.

Целую неделю тщательно разрабатывали план похищения, а самое сложное: как пронести в лагерь? У ворот всегда дежурили либо Волк, либо Овец. И обыскивали моряков самым тщательным образом.

Назначили операцию на субботу, когда дежурным был Овец. Этот «интеллигент» брезговал иногда заглядывать в мешок с хлебом. Мешок был главной деталью плана. Тот, кто шёл с мешком, выкрикивал у ворот: «Хлеб на всю группу». Неделю так приучали Овца, вырабатывали у него условный рефлекс. И ещё «случайно» очень часто мешок роняли, он заскоруз от грязи.

Наступила суббота. На складе действовали по плану. Даже охранники, сами того не зная, пунктуально придержи-

вались его. Один с точностью механизма ушёл обедать, другого отвлёк чех Рекашев (он знал немецкий язык). Тульский под прикрытием остальных вынул радиолампы. И они мгновенно исчезли под обмотками в грязных складках. После ламп бесследно «исчезло» шасси. Теперь мешок с хлебом превратился в подобие мины с часовым механизмом, когда никто не знает, на сколько поставлен взрыв.

Опасный груз вызвался нести Берёзкин.

Рабочая колонна шла по трое в ряд. Берёзкин шёл в четвёртом ряду с края. Мешок не прятал. Наоборот, нёс даже чуть на отлёте. Смотри, мол, сколько хочешь, нам скрывать нечего. И так он заботился о мешке, что тот пару раз падал, в самые грязные лужи.

Вот и крепость. Колонна остановилась перед воротами. Завизжали ржавые петли. И тут морякам показалось, что они уже перестали существовать. За воротами вместо Овца стоял Волк. Вельфель. Начался обыск первой шеренги. Вельфель не гнушался рыться в самом грязном тряпье заключённых. Вскоре объяснилась такая его ретивость. Из будки вышел начальник лагеря. Вот почему старался Волк. За начальником следом, как хвост, подхалим Овец. Когда дошла очередь до четвертой шеренги, то Овец решил блеснуть осведомлённостью. Доложил: в мешке хлеб на всю группу. Начальство благосклонно кивнуло Овцу. Ещё минуту пона-

блюдало и медленно удалилось. Овец заюлил следом.

Так приёмник оказался в крепости. Его спрятали на одной из лестниц, в нише за глухим карнизом. Конспирации ради прозвали его «Иван Грозный». Русаков, один из бывших радистов, перестроил приёмник на короткие волны. По воскресеньям он забирался в старинный дымоход замка и слушал Москву. Сводки записывал. После долгих лет плена это было первое общение с Родиной, с Москвой, с правдой. Сводки переписывались от руки и распространялись по лагерю.

Так продолжалось до конца года. Но однажды, в начале сорок пятого, моряки, вернувшись в лагерь с работ, застали там небывалый переполох. Волку кто-то донёс, будто советские моряки готовят восстание, запасаются ножами. Фашистская ищейка кинулась в помещения, совала нос в каждую щель. Приёмник был обнаружен.

Всех построили на плацу. К начальнику лагеря «Маннергейму» вызывали бывших радистов, тех, кто, по мнению гестапо, мог собрать приёмник. Фашисты мысли не допускали, что его принесли извне. Вопрос задавали один: кто сделал? Не добившись признания, радистов избивали и выбрасывали на плац.

Русаков стоял бледный, закусив до боли губу. Когда вынесли очередного радиста, он

не выдержал и ступил вперёд:

— Я собирал приёмник. — И добавил, как мог простодушнее: — Очень хотелось послушать музыку, но не удалось, не хватило деталей.

Змеино улыбаясь, Вельфель сказал:

— Сейчас мы включим приёмник. Если раздастся звук, можешь считать, что ты мёртв.

Солдаты срочно подключили питание. Жуткая тишина повисла над плацем. Все слушали. Вот солдат покрутил ручку настройки — приёмник молчал: Русаков был опытным радистом и конспиратором. Вздох облегчения вырвался у всех и прошелестел над плацем. Но тут же гестаповец заявил, что приёмник отдадут на экспертизу. Если там установят, что он работал, то Русакова всё равно расстреляют.

Русакова не расстреляли. Его и других радистов перевели на штрафные работы. Их спасла не забывчивость фашистов. Просто приёмник до экспертов не добрался. Больше всего гарнизонные крысы боялись своего начальства и высылки на Восточный фронт. А именно это им и грозило. Слишком невероятен был факт: приёмник у русских моряков в изолированной крепости Вюрцбург, в центре Германии, под бдительным оком бывших агентов сыскной полиции.

И историю эту лагерные власти благоразумно замяли.

В ГОСТЯХ

Разговоры про горы

Всю зиму разговоры
Мои друзья ведут
Про горы да про горы,
Про пройденный маршрут.
Про грозные вершины,
Про снежные лавины,
Про ветер, бьющий в спины,
Когда шагнуть нельзя...
Серьёзные мужчины,
Надёжные друзья!
Я слушал все их споры,
Но рта не открывал.
Я видел эти сборы,
Но сам не помогал.
Всю зиму подготовка!
Моим друзьям нужны:
Пуховая штормовка,
Консервы и спиртовка,
А главное — верёвка
Достаточной длины!
И снова — разговоры
Про горы да про горы!
Про небо голубое
Над самой головой.
Зовут меня с собою
Друзья наперебой!
Кончайте разговоры!
Да здравствует Кавказ!
Я в отпуск еду в горы
С друзьями в первый раз!

Горы и город

Конечно, там, где горы, —
Не бегают трамвай.
Но ты без светофора
На склонах не зевай!
Будь осторожен вдвое:
Ведь пропасть — глубока..
Внизу бурлит и воет
Сердитая река.
Вас лифты поднимают
На ваши этажи,
А здесь про лифт не знают,
Здесь по горам шагают
Ахмед, Гамзат, Гаджи.

У ТУЧИ

Привыкли к горным кручам.
А дом у них такой,
Что с крыши можно к тучам
Притронуться рукой!

Вот она какая

Я проснулся на заре:
Туча — прямо во дворе!
Чуть из дома шаг шагнул —
Прямо в туче утонул!
Мне не выйти за порог —
Туча встала поперёк!
Может, туче захотелось
Побывать

у нас в гостях?
Может, туче захотелось
Поболтать

о новостях?

Туча,
милости прошу!
Я вас к чаю приглашу!
И глазам своим не верю:
Туча лезет прямо в двери,
Туча лезет прямо в окна,
В доме всё насквозь
промокло.

Я — в тумане,
в темноте,
Я — у тучи в животе!
Хорошо — пришли ребята,
Сулейман, Ахмед, Али.
Хорошо, пришли ребята:
Тучу выгнать помогли!

Про мой рюкзак

Последняя машина
Отправилась домой.
Блестят вдали вершины,
Как сахар кусковой.
И мы идём сначала
Пешком, пешком, пешком.
А на отвесных скалах
Начнём ползти ползком.
А путь ещё — далече,
А горы — высоки.
Товарищи на плечи
Взвалили рюкзаки.
Вы помните, как ловко
В рюкзак помещены:

Пуховая штормовка,
 Консервы и спиртовка,
 А главное — верёвка
 Достаточной длины!
 Да этот тюк хороший
 Руками не обнять!
 Да мне такую ношу
 От пола не поднять!
 Да что я — Юрий Власов?!
 Но мне сказали так:
 — В горах нет лоботрясов.
 Давай без выкрутасов! —
 И поднял я рюкзак!
 Шагаю еле-еле,
 Хватаю воздух ртом.
 Но ведь друзья ж сумели?
 Да что я,
 в самом деле!
 И я дойду до цели,
 А отдохну — потом!

Водопады

Там, в долине,
 на равнине, —
 Речки тихи,
 речки сини,
 Смирно вьются меж лугов,
 Меж песчаных берегов.
 Здесь,
 на радость детворы, —
 Реки прыгают с горы!

Водопады,
 водопады!
 В вас — падучая вода!
 Мы вам рады,
 очень рады!
 Вы откуда и куда?
 Водопад красив на вид:
 В брызгах — радуга стоит!
 Водопад бурлит,
 клокочет:
 — Я лечу,
 куда хочу!
 Кто с дороги не отскочит —
 По камням проволочу! —
 На дороге водопада
 Ты не стой, дружок,
 не надо...
 Слышишь — водопад ревёт:
 — Я — живой водопровод!
 Вот!!!

Альпинисты

Туда, где свет лучистый
 Блестит на ледниках,
 Шагают альпинисты
 В тяжёлых башмаках.
 Большая тренировка
 Ведёт их в облака:
 Спортивная сноровка,
 Взаимная страховка,
 Надёжная верёвка —
 И верная рука!

Рис. П. Вискова

ЖАВОРОНКИ ПРИЛЕТАЮТ СЮДА

Время от времени дым почему-то редел. И тогда в свете фар далеко было видно вперёд. Вот в такую минуту дядя Лаврен и приметил что-то вдалеке.

— Живём, парень! — сунул он голову в окошко. — Твой батька на самосвале встречь нам идёт.

— Где?

— Тебе не видать, низко сидишь.

Васька чуть выпрямился и сразу прищурил глаза: длинный дымящийся конус света ударил ему в лицо.

Огонь шёл по ржи языками. Местами он клокотал где-то в отдалении, а местами рвался под самые колёса. Тут Васька брал чуть правее и прибавлял скорость, а дядя Лаврен от-

Продолжение. Начало в «Искорке» № 1.

стреливался из шланга, время от времени окатывая водой себя и Ваську.

Наконец невдалеке послышался рокот мотора. Из дыма вылетел самосвал и резко остановился, присев на рессорах.

Выскочив из кабины, отец закричал:

— Лаврен, плесни на бак. Скорей!

Дядя Лаврен полоснул длинной струёй по самосвалу.

— Ты с кем это? — уже тише спросил отец.

— С Васькой! С кем же ещё?

— Что-о?

Он подбежал к цистерне, рванул дверцу.

— Сынок! Ну, молодчина! Садись скорей на самосвал, выводи на дорогу. А мы с Лавреном на цистерне. Теперь ему враз глотку заткнём, огню. Он сейчас только в середине и гуляет, с боков-то стиснули.

С этими словами отец вырвал Ваську из-за руля, а сам нырнул в кабину. Цистерна, вздрогнув, сорвалась с места. Будто ею из пушки выстрелили.

А Васька пошёл к незаглушённому самосвалу. «Надо скорей к мамке на дорогу, — подумал он. — Поди, все глаза проплакала».

Уже рассвело, когда по той же, пробитой Васькой во ржи траншее отец привёл на дорогу цистерну. Он ехал медленно. На левой подножке, чуть скобочась на своём протезе, стоял дядя Лаврен, а на правой — Сашка Зимин, до нитки мокрый и какой-то весь взье-

рошенный. Позади валкой походкой двигалась цепочка усталых людей с лопатами и косами на плечах. Над зияющей во ржи чёрной проплешиной, где недавно гулял огонь, поднимался пар.

— Видали орла? — указал дядя Лаврен на Сашку. — Это же сущий бес, а не парень! На нем рубашка занялась, а он — ноль внимания... До чего страшный!

— Жилистый парнишка! — похвалил и Васькин отец. — И косцов на пожаре подменивал, и лопатой орудовал за троих, что твой экскаватор. Минуты не стоял.

Сашка молчал, потупясь, терпеливо слушал. А когда шофёр замолк, поднял закоптелое, как головешка, лицо, растянул припухшие губы, озорно сверкнул белоснежными зубами:

— Дядя Кузьма, можно я цистерну домой поведу?

— А ты разве ездил когда? — удивился Кузьма Савельевич.

— Хо! Сколько раз! — не моргнув, соврал Сашка.

— А ну, покажь!

Сашка слегка отжал мокрые свои штаны и подол прогоревшей на спине рубашки, степенно влез в кабину. Слова не говоря, запустил мотор, включил скорость и тронул машину. Плавно тронул, без рывка.

— Молодчина! — похвалил Кузьма Савельевич. — Умеешь. Я бы доверил тебе, да на этот рейс Васька у нас шофёр. Это ж он привёл цистерну на пожар. А самосвал, брат, не мо-

гу. В самосвале будет народ. Понял?

— Так пускай цистерну ведёт! — воскликнул Васька. — Я уже наездился, а ему в охотку. И мамка с нами. Верно, мам?

— Ладно уж! — согласилась мать. — От вас, видно, никуда не денешься.

П Р И Е З Ж И Й

В тот же день в деревне появился незнакомый человек на велосипеде. Мужчина уже немолодой, но и не старый. В клетчатой рубашке, рукава закатаны до локтей, а на раме велосипеда — большой коричневый портфель.

Остановился у крайней избы, о чём-то спросил у Егоровой матери, Матрёны Костылёвой, и покатил напрямик к бригадиру.

Чужой человек всегда замечен. А тем более городской, с портфелем. Ясно, что тётку Матрёну тут же обступили соседки и деревенская ребятня:

— Что за человек?

— Не сказал! — пожала плечами Матрёна. — Должно, начальство какое-то из города.

— Так дяди ж Митрофана дома нет, — ввязался Егор. — Поехал на главную усадьбу акт составлять про пожар.

— А мне какое дело! Спрашивает бригадира, ну и указала.

Женщины потоптались и разошлись, а мальчишки подались к бригадиру. Раз дяди Митрофана нет — приезжий у него не засидится.

Их расчёт оправдался. Только успели обступить крылечко, как отворилась дверь. — и на пороге тот самый дядька с портфелем.

Подошёл к своему велосипеду, потрогал цепь и к ребятам:

— Провисла, будь она неладна! Нет ли у кого ключа на семнадцать?

Как не быть такой безделице? Сколько в деревне мальчишек, столько и велосипедов, а значит, и ключей.

— Сей момент принесу! — кинулся Гришка Князев к своему дому.

Незнакомец присел на лавочку под рябиной, достал из грудного кармана рубашки пачку сигарет, протянул ребятам:

— Закуривай, хлопцы!

Васька, стоявший ближе других, попятился, оглядываясь на дружков.

— Мы, дядя, покамест ещё некурящие!

— А что ты отказываешься за всех? Может, другие курящие?

Егор Костылёв иногда покурил втихаря. Он бы, конечно, не отказался задымить сигарету, но момент был упущен из-за Васьки, и теперь ему ничего не оставалось, как смолчать.

— Значит, не курите? — недоверчиво поглядел незнакомец. — Тогда, может, знаете, где тут ночью горела рожь. Это по какой дороге?

— Знаем! На Бородулинском поле, — пустился в объяснения Васька. — Вон за речкой

ферма на взгорке, видите? Так от неё просёлок. Только не вправо, а налево — как раз на Бородулино... Да чего рассказывать, мы сейчас на велосипедах, и айда вместе.

— Нет уж, хочу поглядеть без вас. Так по левой, говоришь, держать?

— По левой!

Гришка успел уже натянуть цепь и играл на ней, как на струне, явно гордясь своими измаранными руками.

— Добро! — кивнул незнакомец, поставив ногу на педаль. — Ещё увидимся.

Проводив глазами велосипедиста, мальчишки уселись на лавочку. Только Егору Костылёву не хватило места. Да и сидеть ему совсем не хотелось.

— Ты, Васька, каждой бочке затычка! — надул свои толстые губы Егор. — Сам не куришь — другим не мешай. Кто ты мне, вожатый? Или директор школы? Сейчас каникулы, понял? Что хочу, то и делаю.

Ваське и крыть нечем. Что тут скажешь, если и вправду поторопился? Он-то хотел соз-

дать впечатление. Мол, здешние ребята не какая-нибудь шпана, раз не курят. А Егору, вишь, не понравилось.

— Ты, Егор, этой своей обиды так не оставляй, — посоветовал Сашка. — Раз Васька тебе задолжал, требуй своё. Пускай теперь отваливает денежки на пачку сигарет. Верно? Купишь в сельпо и дыми себе в полное удовольствие.

— Так мне ж не продадут!

— Верно, не продадут, — спохватился Сашка. — А ты знаешь что? Мамку попроси! Ей-то уж бесприменно продадут...

Широкое веснушчатое лицо Егора приняло озадаченное выражение. Чтоб мать покупала ему сигареты... Да что он, этот Зима, не знает, что ли, какая у мамки рука тяжёлая? Таких сигарет даст — ни сесть будет, ни встать.

— Спятил, да? — повернулся он к Сашке и выразительно приложил к виску грязный палец с обгрызанным ногтём.

— Почему спятил? — сощурился Сашка. — Если объяснить, что не на свои, а на Васькины деньги, — купит, как пить дать.

— Купит! — включился в подначку Гришка Князев и подмигнул. — Кто ж откажется на даровщинку?

Всю игру испортил Колька Карасёв. Терпел, терпел да как фыркнет:

— Охо-хо-хо! Ой потеха!

Тут уж грянул общий смех. Попадали на траву, стали кататься, держась за животы, и

дрыгать ногами. Гришка Князев поперхнулся слюной и закашлялся, аж слёзы брызнули.

Дошло и до Егора, что это розыгрыш. Но ему хоть бы что! Стоит, хохочет вместе со всеми. Только рот растянул от уха до уха да зубы свои напоказ выставил, редкие, как забор у палисадника.

Когда надоело хохотать, Сашка подошёл к Егору, гулким хлопком опустил на его массивное плечо свою жилистую ладонь:

— Этому б туловищу да другую голову!

— А чём тебе моя не нравится? — добродушно спросил Егор и погладил себя по рыжим волосам.

— Не думает. Не тем концом приделана.

— Как это не думает?

— Сейчас объясню, — пообещал Сашка. — Ты ведь и вправду решил, что Васька тебе задолжал. Так?

— Ну, так!

— А будь у тебя настоящая голова, ты б ему спасибо сказал.

— Это за что же? — не понял Егор.

— А за то, что нечего выворачиваться перед первым встречным и показывать свои потроха. Скажи, ты знаешь, кто тот дядька, у которого закурить хотел?

— Вот пристал! — рассердился Егор. — А ты знаешь?

— Знаю! — отрубил Сашка. — Ему только того и надо,

чтобы кто-то из нас закурил. Понял?

— Зачем? — в один голос спросили Васька и Колька Карасёв.

Снисходительно оглядев всех, Сашка сказал, словно гвоздь заколотил:

— Это ж следователь! Неужели не догадались? Приехал разузнать, отчего рожь загорелась. Вот и приняхивается. Кто закурит, тот и на подозрении! А ты, Егор, сдуру чуть не клюнул на живца.

— Что ты мелешь! — заорал Егор. — Какое подозрение, если я спал как сурок?

— Ты-то сурок, зато он хорёк, — загадочно произнёс Сашка. — Думаешь, просто так сказал: «Ещё увидимся»? Ясно, что нашего брата на прицел и взял. Давайте, хлопцы, пораскинем умишком. Грозы ведь ночью не было? Не было. А рожь загорелась? Загорелась. Сама по себе, что ли? Фиг с маслом! Значит, по чьей-то неосторожности. А по чьей? Может, дед Михась подпалил сослепу? Или сторож дядя Лаврен? Или сам бригадир? Чёрта с два! Какой же взрослый мужик будет при хлебе неосторожен? Вывод один: наших это рук дело, малолетних табакуров.

— Так мы ж не подпаливали! — пугаясь убийственной Сашкиной логики, заметил Егор.

— А кто сказал — подпаливали? Это следователь так должен думать. Понял?

ВЕЩЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

По деревне разлетелась весть о приезде следователя. Шушукались на огородах соседки, судачили тугоухие старухи на завалинках. Девчата понесли на речку полоскать бельё, так и этим не до белья. Кто-то распустил слух, будто всех курящих мужиков заберут в город до выяснения.

— Эва! Время нашли! — всплеснула руками поражённая этой вестью тётка Матрёна. — А кто ж будет хлеба убирать? У нас же некурящих мужиков, считай, ни одного. И комбайнеры, и трактористы, и механики. Уж на что дед Михась стар, а и тот смолит. Спору нет, их не без пользы пугать бы, мужиков, да не время.

Тётка Матрёна помолчала, что-то обдумывая, потом решительно махнула рукой:

— Провались они, мужики, их не пережалеешь! Пока минута есть, надо какую-никакую одежонку прожарить на солнце.

Она стала выносить свои женские праздничные наряды, потом тулупы и полушубки, выворачивая их на частокосматой шерстью к солнцу. Вынесла костюм своего мужа, Егорова отца. Стряхнула, аккуратно развесила и горько вздохнула: «Непутёвый! Мыкается в городе по чужим гнёздам, как птица кукушка...»

Дошла очередь и до Егоровых праздничных штанов. По-

веси́ла их тётка Матрёна и уж пошла́ было́ в избу́, да верну́лась, реши́ла карма́ны выверну́ть, что́б сохли́. Суну́ла ру́ку в карма́н, а там почата́я па́чка папи́рос.

Матрёну́ затря́сло. Ного́й как то́пнет! Бро́сила па́чку да как плю́нет!

— Что́ это ты, сосе́дка, расплева́лась? Ника́к по́лыни нае́лась, — припожа́ловала из-

вестная́ на всю́ дере́вню любопы́тством и дли́нным язы́ком ба́бка Ани́сья. — Я к ней дро́жже́ц на пиро́ги заня́ть, а она́ «тьфу» да «тьфу»...

Угля́дев что-то́ под ного́ми, ба́бка проворно́ нагну́лась, ухвати́ла па́чку, поднесла́ к гла́зам. А из па́чки на траву́ и посы́пались папи́росы, одна́ за друго́й. Ба́бка Ани́сья онемела́ от уди́вления. Ра́зину́ла ро́т и

стоит. Соображает, что тут к чему.

Тётка Матрёна тигрицей в сени, схватила верёвку:

— Егоррр!

Егор сидел в тенёчке под яблоней, ел кислейшее зелёное яблоко, которое сводило ему скулы, и ничего плохого не ждал.

На голос он высунулся из калитки. И тут мать огрела его верёвкой. Правда, всего один раз, потому что Егор успел дать задний ход и исчезнуть в кустах смородины.

А бабке Анисье уже не до пирогов. Топ-топ-топ! — заторопилась прочь, пока новость ещё не устарела.

Васька с Сашкой Зиминим ничего этого не знали. Любопытство погнало их к ночному пожарищу. Пока незнакомец петлял по дороге на своём велосипеде, они кинулись напрямик пробитой во ржи тропкой и были там первыми. Залегли во ржи, притаились, стали ждать.

Сказать по правде, привело их сюда не одно любопытство. Ведь не зря говорится, что своя рубашка ближе к телу. Пожар пожаром, но дружков ещё и другое насторожило. Раз началось следствие, может выясниться, кто привёл в поле цистерну и кто доставил её домой. Оно хоть и лестно Ваське да Сашке, а где у них водительские права? Не миновать теперь беды Васькиному отцу. У милиции спрос известный. Им плевать, что пожар. Подавай права, и точка.

— Должно, папку с маши-

ны снимут, — прошептал подавленный Васька. — Переведут в конюхи или в пастухи...

— Не скули! — в раздумье перекусил Сашка горькую травинку. — Это ещё тётка надвое сказала... Тс-с-с! — толкнул он Ваську.

Над рожью показалась голова незнакомца, а потом и клетчатая рубашка, и велосипед, который он катил в руках, почему-то приглядываясь не к пепелищу пожара, а к затравившей обочине дороги.

Вдруг остановился. Положил свой велосипед, а сам — на четвереньки, будто муравьёв выискивает в траве или кузнечиков. Долго стоял так, наконец поднял голову, взглянул на край пепелища и даже вздрогнул. Хотел было что-то поднять с земли, но отдёргнул руку, вскочил, побежал к своему портфелю.

Сашка и Васька переглянулись и разом перестали дышать. Следовательно вернулся с фотоаппаратом, открыл футляр, начал целиться в землю. В одно место, потом в другое.

— Зачем это? — шепнул Васька.

— Чёрт его разберёт!

Следовательно тем временем повесил на шею аппарат, наклонился и поднял что-то с земли. Долго вертел в руках этот маленький предмет, разглядывая. Наконец достал из кармана носовой платок и бережно завернул в него свою находку.

— Улика! — шепнул Сашка. — Вещественное доказательство.

— А что это? — заинтересовался Васька.

— Поди спроси. Он тебе разъяснит...

Они ещё посидели минут десять во ржи. А когда убедились, что следователь укатил на своём велосипеде, выбрались на дорогу и побрели за ним по следу. Им надо было точно знать, не свернёт ли ещё куда.

След привёл к ферме, но велосипедиста там уже не было. Одна лишь Катя Перепелицына бродила неподалёку по не-

скошенному косогору и рвала ромашки.

— Привет! — кивнул Сашка. — Не видела тут дядьку на велосипеде?

— Видела. Он у меня ещё про новости расспрашивал.

— А ты?

— А я сказала, что у нас каждый день новости.

— Это какие же?

— Про пожар, — загнула Катя палец, — про курящих мужиков, которых в город заберут, — загнула второй, — про приехавшего следователя, ну и про Егора Костылёва.

— Не таракти! — нахмурился Сашка. — Это тебе не в классе отвечать зазубренный урок. Говори толком, каких таких мужиков в город заберут?

— Хо! Известно, курящих. Нечего им палить свои сигарки, когда кругом такая сушь...

— А что про Егора? — зажмурился Сашка от Катиного красноречия, как от зубной боли.

— Про Егора? Так тётка ж Матрёна его недавно верёвкой выпорола. Папироски, вишь, в кармане нашла. Бабка Анисья своими глазами видела.

— И ты про это тоже сказала тому на велосипеде?

— А как же! — просияла Катя. — И про следователя, и про Егора, и про...

— Вот балда! — схватился Сашка за голову и глянул на Ваську. — Заставь дурака бога молиться...

Катя надула свои пухлые губы, сердито свела на переносице тёмные брови:

— Не забывайся, Александр! Если сейчас каникулы, так это ещё не значит, что можно грубить направо и налево...

— Дура! — перебил Сашка. — Ты знаешь, кому про следователя рассказала?

— Кому?

— Да самому же следователю. Тому, что на велосипеде.

Она так и осталась на косогоре с букетиком ромашек и с выражением крайнего недоумения на лице. А Сашка ещё обернулся в придачу, поднёс

палец ко лбу и крикнул с издёвкой:

— Вот этим местом соображай!

БУГОРОК НА ЗАКОПТЕЛОМ ОКУРКЕ

И хоть по-прежнему в небе светило солнце, над деревней сгущалась невидимая туча. Битый час уже сидел следователь в Матрёниной хате, а что он там делает, никто не знал.

Сашка с Васькой, словно тени, скользили вокруг хаты, но разведать ничего не могли, потому что двери были плотно затворены, а занавески задёрнуты изнутри. Правда, в одном окне, из огорода, занавеска давала узенькую щель. Но в эту щель был виден лишь уголок стола да ещё тётка Матрёна. С опущенной головой она сидела на лавке, кинув себе на колени большие руки, и лишь изредка поднимала печальное лицо.

— Горит наш Егор синим огнём! — отступя за угол, объявил Сашка. — Видел, какая тётка Матрёна прибитая? Сидит, как каменная...

Сашка угадал. Егор и вправду горел. Он сидел за столом и тупо смотрел на злополучную пачку папирос, которая лежала на столе, на расстеленной газете, как вещественное доказательство.

— «Север», — скосив глаза, вслух прочитал следователь название папирос.

Егор промолчал, не смея взглянуть на мать.

— А скажи-ка, любезный, — продолжал следователь, — где

суди. Есть, брат, и другие меры, а решётка — это уже крайний случай.

Это было важное разъяснение, потому что всем казалось, будто виновнику грозит теперь невесть что. Но Сашка по-прежнему не торопился ничего советовать. Лицо его приняло непривычное выражение сосредоточенности и раздумья. Словно он вспоминал что-то или решал в уме замысловатую задачу.

Следовательно тоже не торопился. Давал Сашке время. Но когда молчание затянулось, он спросил напрямик:

— Мы теперь выяснили, что

Егор спал в тот вечер. Ну, а ты?

Васька вздрогнул и затаил дыхание. Сейчас Сашка ляпнет, как они договорились тайком увести самосвал!

— А у меня было назначено важное свидание, — загадочно проговорил Сашка. — Только оно не состоялось...

Васька залился краской. Этот Зима даже и намёком не поинтересовался, почему он не принес тогда обещанного ключа!

— Не состоялось по моей вине, — твёрдо продолжал Сашка, взглянув на Ваську.

(Продолжение следует)

Л. ЗАМЯТНИН

Снегопад

*Уже четвёртый день подряд
На землю снег летит.
Какой огромный маскарад!
Как много конфетти!*

*И всё уснуло на бегу
Под тихий снегопад,
И сосны по уши в снегу,
Обнявшись, стоя спят.*

*Лишь вздрогнут изредка стволы,
Озябшие во сне.
Пусть будут сны твои белы,
Как этот белый снег.*

(К 75-летию со дня открытия)

**«ТРИУМФ
НОВЕЙШЕЙ АРХИТЕКТУРЫ»**

Ещё издалека, от Невского проспекта, открывается вид на великолепное здание Государственного Русского музея, бывшего Михайловского дворца.

Почти полтора столетия назад, в 1825 году, знаменитый русский зодчий Карл Иванович Росси построил этот дворец для младшего сына императора Павла I, великого князя Михаила Павловича, почему дворец и получил название Михайловского.

Замысел зодчего был грандиозным. В те годы главная улица Петербурга — Невский проспект — уже полностью была застроена богатыми особняками и дворцами, но к северу от проспекта, до самой Мойки, оставался ещё свободный зелёный участок, где были расположены придворные оранжереи. Его-то и облюбовал зодчий для постройки нового дворца.

И не только дворца. Главный корпус Росси окружил великолепным парком с искусственными прудами, живописными группами деревьев и замечательным по своей красоте павильоном-пристанью на берегу реки Мойки. Перед главным фасадом устроил просторную площадь (теперь площадь Искусств) и от этой площади прорубил широкую улицу (теперь улица Бродского) до самого Невского. Другой улицей, Инженерной, он соединил новый дворец с набережными Фонтанки и Екатерининского канала (теперь канал Грибоедова). Одним словом, заново перестроил целый городской район и создал между Невским проспек-

том и Мойкой большой архитектурный ансамбль — один из лучших ансамблей города на Неве.

Росси хорошо знал вкусы и требования придворной знати и новый дворец построил по образцу русских дворянских усадеб. Фасад, обращённый к площади, он украсил портиком из восьми коринфских колонн, которые завершались роскошными капителями, похожими на корзины цветов, а перед входом поставил бронзовых львов, таких же, как воспеты Пушкиным львы, «с поднятой лапой как живые». Парадный двор отделил от площади высокой оградой, украшенной позолоченными шлемами, латами и мечами.

Торжественной внешности дворца соответствуют и его богатые внутренние помещения — интерьеры. Из них прежде всего привлекают внимание главный вестибюль и белоколонный зал.

Вестибюль, полный света и воздуха, поражает богатством и в то же время простотой. Он устроен во всю высоту здания и окружён рядом великолепных колонн по всему второму этажу, куда ведёт величественная трёхмаршевая лестница.

Белоколонный зал разделён стройными колоннами на три части. Здесь в своё время на музыкальных вечерах нередко бывал блестящий пианист и композитор Антон Рубинштейн, звучали его новые произведения. В этом зале до сих пор сохранились стенные росписи, изображающие сцены из «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, драгоценный наборный паркет и резные торшеры-светильники из алтайского камня, отделанные бронзой.

Сейчас по рисункам зодчего восстановлена в первоначальном виде вся анфилада залов, выходящих окнами в парк и на Марсово поле. Расписные потолки-плафоны этих парадных комнат, лепные карнизы, покрытые позолотой, пилястры и кариатиды (женские фигуры), обрамляющие дверные проёмы, — всё это создаёт впечатление изысканной роскоши и богатства.

Чудом архитектуры называли современники новую постройку Росси, и не только русские. С не меньшим восторгом рассказывал о своих впечатлениях английский учёный и путешественник Гренвиль, посетивший Петербург в 1826 году.

«Михайловский дворец, — писал он, — является безусловно триумфом новейшей архитектуры и не только превосходит всё, виденное в Тюльери и других королевских дворцах континента, но является по-настоящему единственным в своём роде...»

350 КАРТИН И 350 ЗАЛОВ

В 1896 году был издан царский указ, по которому в помещении Михайловского дворца был организован музей русского искусства. К этому времени владельца дворца князя Михаила давно уже не было в живых, а его наследники оказались никудышными хозяевами. Дворец распродавали по частям: сначала исчезла драгоценная мебель, ковры, драпировки, украшавшие парадные залы, потом пошли в продажу наборные паркетные полы. Даже двери красного дерева, отделанные массивными

бронзовыми украшениями, исчезли неизвестно куда. Крыша здания прохудилась, стропила подгнили, лепные детали обрушились, в окнах не доставало стёкол, и в парадных залах от дождя стояли лужи.

Архитектору Свиньину, которому царь поручил восстановить дворец и приспособить его для музея живописи и скульптуры, понадобилось полных три года, чтобы привести в порядок расстроенное дворцовое хозяйство. Однако и за три года Свиньин не сумел восстановить дворец полностью, да он и не ставил себе такой задачи. Прежний блеск приобрели только вестибюль дворца и его главный, Белоколонный зал. Совершенно заново были переделаны Театральный и Бальный залы. Здесь Свиньин раскрыв потолки и устроил освещение сверху, через специальные «фонари», чтобы дневной свет лучше освещал произведения живописи.

Новый музей был торжественно открыт 7 марта 1898 года и первоначально был невелик. Он состоял всего из 15 залов, куда свезли около 350 картин и статуй: из Академии художеств, из Эрмитажа, из царских и княжеских дворцов, причём и эти произведения не все представляли художественную ценность — здесь были и царские портреты и большие академические картины с изображением библейских сцен, по которым осуществлялись росписи церквей, были и просто женские головки, очень нравившиеся самим дарителям, но — увы! — не украшавшие музей.

И всё-таки открытие Русского музея было большим событием в жизни не только Петербурга — всей страны. Его коллекции, хотя и медленно, но стали расти. Через год после открытия царь покупает на выставке художников-передвижников картину Сурикова «Переход Суворова через Альпы» и «жертвует» её музею. Подражая царю, знатные люди передают в картинную галерею свои фамильные портреты. Так попадают в экспозицию полотна замечательных русских живописцев Рокотова, Кипренского, Тропинина.

В 1915 году было открыто для обозрения уже 30 залов. По соседству с главным корпусом, на набережной канала, вырос новый выставочный корпус, который по имени строившего его архитектора получил название корпуса Бенуа. Но только после революции Русский музей становится действительно музеем русского искусства, который даёт зрителям широкое представление об его росте и развитии с древнейших времён до наших дней.

В послеоктябрьские годы из петербургских и пригородных дворцов в музей поступает огромное количество произведений живописи и скульптуры. Впервые в музейных залах появляются великолепные образцы прикладного искусства: художественный фарфор, бронза, хрусталь. Музейные экспедиции отправляются в глубину страны, преимущественно в северные районы, и привозят из деревень работы замечательных народных умельцев — старинные вышивки, расписную посуду и другие предметы крестьянского быта. Так начинается формирование отдела народного искусства. А с 1949 года в Русском музее открывается один из основных его отделов — экспозиция советской живописи и скульптуры.

Теперь на приобретение новых художественных ценностей отпускаются большие средства. Всё ценное, что удаётся обнаружить сотрудникам, находит своё место в музее, хотя иногда и очень сложным путём.

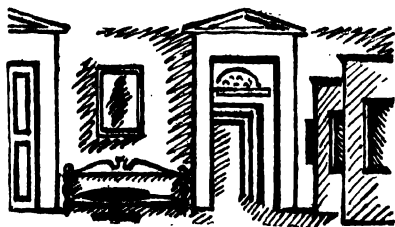
В отдельных случаях закупки производятся даже за рубежом. Так в 1964 году в экспозиции появился замечательный портрет композитора Сергея Рахманинова. И Рахманинов, и писавший этот портрет художник Сомов — оба после революции покинули Родину и в 1927 году

встретились недалеко от Парижа, в маленьком французском городке Корбевиле, где и был написан портрет. Оба они тосковали вдали от Родины. «После России мне вообще как-то не сочиняется. Воздух здесь, что ли, другой», — признавался друзьям композитор. Таким вот — тоскующим, глубоко взволнованным — и видим мы Рахманинова на портрете.

Как мечтали музыкант и художник, чтобы их произведения услышали, увидели на Родине! И вот заботами музейных работников кружным путём, через Лондон, затем через руки частных комиссионеров, сомовский портрет от родственников композитора переходит в собственность ленинградского музея и занимает место в его залах, как раз напротив Государственной филармонии, где сегодня нередко исполняются вдохновенные произведения великого музыканта.

Такова судьба одного из многих тысяч полотен, поступивших в наш Русский музей в послевоенные годы. Таков лишь один маленький эпизод из истории роста музейной коллекции, которая, начавшись в 1898 году всего лишь с 350 случайных картин и нескольких статуй, в наши дни каждый день открывает для посетителей все свои 350 залов, где выставлены для обозрения лучшие произведения замечательного русского искусства.

ИЗ ЗАЛА В ЗАЛ — ИЗ ЭПОХИ В ЭПОХУ

Несметны сокровища ленинградской галереи искусств. И вот приходите вы в музей и хотите среди тысяч произведений разыскать какую-нибудь одну картину или же статую, о которой недавно читали или слышали на уроке. В дореволюционные годы это было бы очень и очень затруднительно, хотя и картин, и залов в музее было значительно меньше. Но в те времена полотна были развешаны на стенах без строгой системы: картины понаряднее висели на видных местах, а скромные по тонам полотна, быть может и ценные, вроде венециановских «крестьянских портретов», только с трудом разыскали бы вы где-нибудь над дверью или в тёмном углу. Попробуйте при таком размещении найти нужное вам произведение! Вот почему уже в самые первые послереволюционные годы работники музея заново перестроили экспозицию и расположили художественные произведения в строгом хронологическом порядке.

Начинается экспозиция с залов древнерусской живописи, с произведений мастеров-иконописцев XII—XVI веков. За ними следуют залы, в которых выставлены портреты и «ландшафты» петровских времён и среди них замечательный портрет Петра I «в кругу», написанный с натуры «персонных дел мастером» Иваном Никитиным.

Блестящую галерею больших — в рост и поясных — портретов екатерининских и павловских времён вы увидите в следующих, парадных залах дворца. Эта коллекция портретов — единственная в своём роде: нигде в нашей стране, даже в Москве, в Третьяковской галерее, вы не найдёте такого богатого собрания старинных портретов. Помещённые в залах, отделанных по рисункам Росси, эти работы живописцев XVIII

века переносят зрителей в далёкую эпоху париков, кринолинов, расшитых золотом кафтанов и открывают нам мир мыслей и чувств, волновавших людей два столетия назад.

Один из российских парадных залов отведён произведениям Левицкого и его замечательным портретам девушек-смолянок (воспитанниц Смольного института благородных девиц). На полотнах художника они танцуют, читают, играют на музыкальных инструментах, веселятся непринуждённо и жизнерадостно, и их беззаботность невольно передаётся зрителям, вызывает сочувственную улыбку.

Здесь же скульптурные портреты (бюсты) современников и приближённых императрицы Екатерины II, исполненные великим русским скульптором-самородком Федотом Шубиным.

Работам первой половины прошлого века отведены самые большие залы — бывший балльный и театральный — с верхним светом. Здесь огромное полотно знаменитого Брюллова «Последний день Помпеи» и великолепные картины-портреты знатных людей выгодно выделяются на фоне стен глубокого сиреневого тона.

Повесить картину — дело далеко не простое. Группируя полотна по времени их создания, стремясь к тому, чтобы работы одного направления были выставлены поближе одно к другому, надо следить и за тем, чтобы все картины по возможности были хорошо освещены и доступны для осмотра. Работники музея обращают внимание даже на окраску стен. Ведь каждый художник имеет свою излюбленную цветовую гамму, свой колорит. К примеру, лёгкая прозрачная живопись Валентина Серова во многом отличается от звучной по краскам живописи Врубеля. Не просто расставить и скульптуры. Ведь сделать это нужно так, чтобы зрители могли осматривать их со всех сторон, с различных точек.

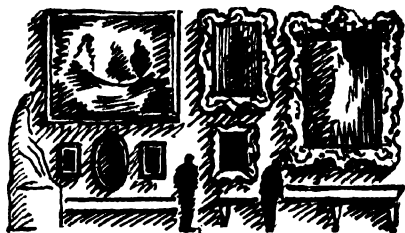
Переходя из зала в зал, от полотен одного мастера к работам другого, мы как бы переходим из одной эпохи в другую и шаг за шагом постепенно приближаемся к нашим дням — к залам, где выставлены полотна и скульптурные работы наших современников — советских мастеров искусства: ваятелей Шадра, Шервуда, Мухиной и Конёнкова, художников Бродского, Авилова, Дейнеки, Кукрыниксов и многих других.

Бесконечна музейная анфилада, и осмотреть все отделы музея, все включённые в экспозицию произведения за одно посещение нет никакой возможности. А ведь это далеко не все сокровища, хранящиеся в нашем Русском музее. Полотна художников, статуи, рисунки, произведения прикладного и народного искусства, не поместившиеся в залах, хранятся в особых помещениях — в запасниках музея, и число хранящихся здесь работ превышает во много раз всё, что выставлено в залах для осмотра.

В запасниках много ценных, первоклассных работ, которые время от времени появляются на выставках, устраиваемых в самом музее и на выставках передвижных, путешествующих по другим городам страны.

Есть и полотна, имеющие свою особую судьбу, иной раз даже и неоконченные. Выдающийся русский живописец Крамской — глава художников-передвижников и борец за передовое реалистическое искусство — прожил нелёгкую жизнь и к 50 годам был уже очень больным человеком. Прекрасный портретист, весной 1887 года он начал писать широко известного в Петербурге врача Раухфуса. Но работа так и осталась незаконченной: с палитрой в руках художник скончался во время сеанса. Этот портрет, удачно начатый, но незавершённый, сейчас хранится в запасниках Русского музея.

СОЮЗ НАУКИ И ИСКУССТВА

Мы побывали в музейных залах, заглянули, хотя ненадолго, в запасники галереи, но не сказали ещё ни слова о большой научной и исследовательской работе, которую изо дня в день ведут работники музея.

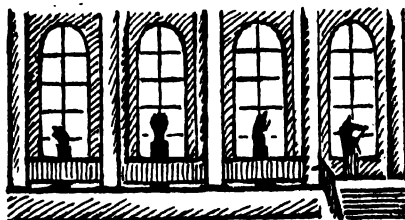
Вы знаете уже, что после революции, году в восемнадцатом, в музей из дворцовых и частных собраний поступило огромное количество картин, рисунков, предметов прикладного искусства. И, не откладывая, надо было каждую из этих работ описать, измерить с точностью до миллиметра, сфотографировать, составить на неё «паспорт», где было бы указано, когда и откуда поступила в музей эта работа, кто её автор и вообще всё, что известно о ней.

- Собрать такого рода сведения было не легко, так как не всегда под картиной стоит подпись художника, не всегда известно название полотна, а тем более время его создания. К тому же и картина с подписью не всегда оказывается подлинной. Специалистам известно, например, что больше половины пейзажей, подписанных фамилией Левитана, оказываются подделкой.

Бывают в практике и другие трудности: поступает в музей старинный портрет, на полотне написан мужчина в военной форме, а кто он — неизвестно. И вот по мундиру, по орденам специалисты устанавливают, в каком полку и в каком чине служил неизвестный. Потом в архивах разыскивают списки офицеров нужного полка, полковые приказы о награждении или повышении в чине, и, таким образом, шаг за шагом, устанавливают наконец, кого же изобразил художник.

Большую ценность представляет великолепная библиотека музея и особенно отдел рукописей, где бережно хранятся подлинные письма художников, различные документы, связанные с их жизнью и деятельностью, даже расписки и денежные счета от магазинов, по которым можно установить, когда продана картина или какими красками писал художник. Такие бумаги помогают учёным-искусствоведам полнее узнать историю создания картины или скульптурной работы, дают дополнительные сведения к биографии мастеров искусства.

ЧУДЕСНЫЕ МАСТЕРА, ВЕЛИКИЕ ТРУЖЕНИКИ

Произведения искусства должны жить вечно, всегда нести радость не только нам, но и будущим поколениям зрителей, которые придут в музей в 2000-м, а может, и в 3000-м году. Но картины, а тем более рисунки стареют, хотя и медленно, но разрушаются, — выцветают, осыпаются краски, ветшает холст, и надо непременно остановить, задер-

жать этот процесс разрушения. Этим-то и занимаются мастера своего дела — специалисты-реставраторы, помощь которых, как помощь умелого врача, нужна и каждый день, и особенно в тех несчастных, правда редких, случаях, когда произведение искусства можно сказать, стоит под угрозой гибели!

Случай этот произошёл сорок лет назад, но до сих пор живёт в памяти музейных работников. Как и сегодня, в зале, где выставлены произведения замечательного художника начала нашего века Михаила Александровича Врубеля, на невысоком постаменте стояла отлитая из гипса и раскрашенная голова Демона. Его глаза, полные тоски, и взгляд необычайной силы и сейчас заставляют зрителей надолго останавливаться перед этой скульптурой. И вот один из посетителей (как узнали потом — душевнобольной) не выдержал взгляда статуи, сбросил её с постамента, — голова упала и разбилась вдребезги! Самый большой осколок едва превышал в длину 10 сантиметров. Казалось, драгоценное произведение мастера погибло навеки. Но реставраторы совершили чудо: кусок за куском, крошка за крошкой, пылинка за пылинкой собрали они воедино и возродили в первоначальном виде замечательное произведение искусства. Приходите сегодня в музей и даже при самом тщательном осмотре вы не заметите в этой скульптуре ни трещинки, ни царапинки.

Бывают в практике реставраторов и другие случаи, менее неожиданные, но требующие ещё большего мастерства, ещё большего терпения. Систематическую работу ведут реставраторы — специалисты по «расчистке» икон, этих драгоценнейших произведений древнерусской живописи. И в этой работе подчас ожидают мастеров радостные находки.

Русские иконы, созданные мастерами-иконописцами несколько столетий тому назад, долгие годы находились в церквях, где, конечно, не было электричества. Освещались церкви свечами, свечи горели перед иконами, ежеминутно дымили. Пыль и чёрная копоть десятилетие за десятилетием покрывали изображение, а когда икона чернела настолько, что не было уже никакой возможности рассмотреть, что же на ней написано, — икону «подновляли», то есть заново покрывали краской и одежды и лица. И часто по воле нового мастера-богомаза одежды из голубых превращались в алые, а лица из суровых, аскетических — в румяные и молодые. На одной доске накапливалось иной раз до трёх-четырёх слоёв, закрывавших и совершенно искажавших первоначальное изображение. Каких же трудов стоило реставраторам год за годом, слой за слоем снимать с иконы все последующие записи, чтобы расчистить наконец в прежнем блеске первоначальное творение. Так были «раскрыты», например, работы живописцев XV века Андрея Рублева и Даниила Чёрного, являющиеся сегодня гордостью и славой музея.

Из этого примера видно, что реставрировать — вовсе не значит «подрисовывать» утраченные части живописи и что-то прибавлять к тому, что создано мастером-автором. Задача состоит прежде всего в том, чтобы сохранить произведение искусства и восстановить его в первоначальном виде. Такого рода реставрация требуется не только для очень древних или почему-либо пострадавших произведений, но и для работ, написанных сравнительно недавно. Одним из наиболее частых видов реставрации является переводение живописи на новый холст и применяется в тех случаях, когда от времени или из-за своего химического состава краска трескается, начинает осыпаться. Тогда, сняв с подрамника, картину лицевой стороной наклеивают на специальную плоскость, а старый холст, на котором была написана картина, осторожно уда-

ляют, причём иногда приходится его удалять буквально по ниточкам, чтобы потом наложить сверху новый прочный холст, на котором живопись будет стоять ещё долгие годы.

Вот такие и многие другие работы, требующие и терпения и огромного умения, выполняют реставраторы — эти чудесные мастера, на счету у которых уже немало спасённых от гибели художественных произведений.

Вы видите, как нелегка работа сотрудников музея. Она требует огромных знаний, огромного труда и терпения, а иногда и немалых физических усилий. Так было в годы войны, когда все работники — учёные, искусствоведы, художники и технические служащие, — все как один были охвачены одной только мыслью, одной целью: как можно скорее вывезти из осаждённого города или укрыть в безопасном месте огромные художественные ценности ленинградской галереи искусств.

Приходите в свой Русский музей. Вас ждёт радость встречи с искусством. Созерцайте замечательные произведения русской живописи и скульптуры и не забывайте ни тех, кто трудом своим создавал великолепный Михайловский дворец, ни тех, кто сегодня собирает и хранит для вас замечательные сокровища искусства.

Е. РУСАКОВ

Бабкино бюро прогнозов

Треща, из печки угли скачут.

Я слышу бабкины слова:

— Сегодня будет гость горячий

В дому у нашего стола.

А за окном базарят галки,

И куры роются в песке.

Пророчит бабка, как гадалка:

— Дожди висят на волоске.

Кот точит когти — непогода,

На печку лёг — морозов звень.

И так у ней в течение года

Своё бюро на каждый день.

ДИНАМИС — СИЛА

В древности люди поклонялись солнцу — за то, что оно несёт свет и тепло; огню как маленькому ку-сочку солнца, который можно взять с собой в пещеру; всевозможным животным, начиная от полезной ко-ровы и кончая бесполезным кроко-диллом; дождю, несущему урожай...

И только ветру долгое время не поклонялся никто.

Ничего хорошего не ждал чело-век от ветра. Разрушенные хижины, поваленные деревья, засыпанные песком колодцы, смытые волной по-севы, пронизывающий холод — вот какие «дары» нёс с собой ветер.

Когда был впервые изобретён па-рус?

На этот вопрос учёные не могут дать точного ответа. Очень, очень давно. Может быть, десять тысяч лет назад, может, двадцать. Ясно одно — это была великая победа над силами природы. Без такой по-беды человек ещё долго не узнал бы, как велика, прекрасна и много-образна планета, на которой он живёт. Финикийцы не основали бы Карфаген, не было бы великого «пути из варяг в греки», португаль-цы не обогнули бы южную оконеч-ность Африки, каравеллы Колумба не достигли бы Америки, а Магел-лан не доказал бы своим кругосвет-ным путешествием шарообразность Земли.

Но хотя человек и научился ис-пользовать силу ветра, всё же сти-хия эта оставалась самой непокор-ной, грозной и коварной. Ведь «ис-пользовать» ещё не значило «подчи-нить». Подчинять природу можно только через познание и через выс-шую форму его — науку. Сила вет-ра помогала людям пересекать оке-аны, но о том, что она такое, чело-век не знал почти ничего.

Иначе обстояло дело, когда нача-лось покорение пятого океана — воздушного.

Когда поднялись в воздух первые самолёты?

В начале нашего века — это всем известно. Но вряд ли многие знают, что в эти же самые годы зароди-лась и наука, без которой современ-ная авиация была бы невозмож-на, — наука о силах движущегося воздуха — аэродинамика.

О ней-то и пойдёт речь.

ПЕРВЫЕ ЛЕТАЮЩИЕ МАШИНЫ

Дорога шла через поле ржи. Тройка лошадей, запряжённых в те-легу, неслась во весь дух. Сзади на буксире был привязан большой воз-душный змей. Встречный ветер

Игорь ЕФИМОВ

подхватывал его — змей поднимал-ся. Вместе со змеем поднимался и человек. Он держался за привязан-ную к змею верёвку и некоторое время летел по воздуху. Старухи из окрестных деревень глядели в сто-рону дороги и крестились. Однаж-ды змей перевернулся в полёте и рухнул в рожь. Человек упал вме-сте с ним и сломал ногу. Потом нога зажила, змей был починен, усовер-шенствован, и полёты продолжа-лись.

Ко времени опытов со змеем Александру Фёдоровичу Можайско-му, отставному капитан-лейтенанту российского флота, исполнилось

пятьдесят лет. В этом возрасте люди обычно начинают ценить покой. Можайский знал, что покоя у него не будет до конца жизни. Ибо дело, которому он посвятил себя, было таким дерзновенным и беспримерным, что требовало от человека всех его сил.

Он хотел построить самолёт. «Аэродинам», как тогда говорили. Машину, которая сможет лететь по воздуху с человеком на борту.

Как строить такую машину, никто не знал. Многие вообще не верили, что это возможно. Машина тяжелее воздуха. Люди до сих пор

Рисунки А. Курушина

не могут научиться управлять воздушным шаром, а вы хотите приделывать крылышки к паровой машине и взлететь? Прожекты. Фантазии. Какие у вас доказательства, что это осуществимо? Не думаете же вы, что кто-нибудь даст вам денег, рабочих и оборудование на осуществление несбыточной мечты?

Доказательства действительно были нужны.

Пятнадцать лет потратил Можайский на предварительную работу. Он прочёл всё, что было написано к тому времени о воздухоплавании, испытал десятки вариантов конструкций: крыло, винт, руль, шасси —

всё надо было придумывать самому, конструировать, изготавливать, проверять. Пятнадцать лет напряжённого труда — и вот результат. О нет, ещё не самолет — всего лишь маленькая модель.

Но она летает!

Раз за разом поднимается она под купол Петербургского манежа и носится там, пока не кончится завод пружины. Ей даже по силам поднять в воздух небольшой груз — офицерский кортик.

Об экспериментах Можайского сообщил «Кронштадтский вестник». Специальная комиссия, в которую входил Дмитрий Иванович Менделеев, ознакомившись с работами изобретателя, постановила выдать ему для дальнейших исследований немалую по тем временам сумму — три тысячи рублей.

Успех, признание, поддержка — всё это, конечно, придаёт сил. Но если на путь, приведший лишь к созданию модели, ушло пятнадцать лет, сколько же времени нужно на то, чтобы сконструировать и построить настоящий самолёт? Ведь для этого требуется рассчитать и вычертить специальные двигатели; найти фирму, которая взялась бы их изготовить; провести десятки экспериментов с крыльями и винтами; разработать систему управления рулями, технику взлёта и посадки; предусмотреть тысячи мелочей, каждая из которых может оказаться для машины роковой; и при этом без конца околачивать пороги министерств, всевозможных комитетов и комиссий, добиваясь внимания к своему проекту, доказывая важность его и «пользу для отечества», терпеть бесконечные унижения, отказы, испытывать вечный недостаток средств, истратить собственные сбережения, залезть в долги...

Несмотря на всё это, самолёт Можайского был создан за шесть лет и летом 1882 года испытан на военном поле в Красном Селе.

Первый опыт не был удачным. Дело было настолько новым и небывалым, что все элементы маши-

ны — двигатель, винт, крыло — всё нуждалось в длительной и упорной доводке. Можайский провёл новые расчёты, заказал на Обуховском заводе новые двигатели...

В эти же годы опыты по созданию летающих машин шли и в других странах. Но, в отличие от Можайского, английскому изобретателю Хайрему Максиму не приходилось выпрашивать деньги и экономить каждый грош. Пушечный король, создатель первого в мире пулемёта, владелец заводов и мастерских, он мог не стесняться в средствах. Построенный им самолёт был размером с двухэтажный дом. Паровая машина мощностью 360 лошадиных сил, несколько слоёв крыльев, огромные пропеллеры — всё это весило три с половиной тонны и катилось по рельсам длиной полкилометра. Сверху над колёсами шли другие рельсы — они должны были удерживать самолёт от преждевременного взлёта.

Такая остроумная конструкция позволяла ещё до взлёта проверить способность машины оторваться от земли. Но во время одного из опытов подъёмная сила крыльев настолько превысила вес машины, что верхние рельсы сломались, гигант рухнул на бок и разрушился. Подсчитав расходы и обнаружив, что на проект уже истрачено полмиллиона франков, Максим решил больше не рисковать и вернулся к спокойному делу — производству пушек и пулемётов.

Знаменитый французский инженер Клеман Адер истратил на создание своего самолёта ещё больше — полтора миллиона. Но зато его «Эол II» поднимался над гладким треком и пролетал пятьдесят, а иногда и девяносто метров. Крылья аппарата могли складываться и расправляться, как у летучей мыши. Самолётом Адера заинтересовалось военное министерство Франции, которое и согласилось финансировать дальнейшие работы.

Построенный на деньги военных «Авион III» был испытан в 1897 го-

ду в присутствии специальной комиссии.

День был очень ветреный, но пятидесятишестилетний Адер всё же решил не откладывать испытаний. «Авион», с трудом преодолевая сопротивление ветра, совершил большой разбег. Колёса его при этом несколько раз отрывались от земли, но вдруг сильный порыв ветра повалил машину, ударил о землю и превратил её в кучу обломков. Комиссия молча удалилась, и больше Адер не получил ни франка от военного министерства. В отчаянии он разрушил два из своих аппаратов. Последний же аппарат уцелел, он сохранился до наших дней, и теперь

французы с гордостью показывают его, как первую машину тяжелее воздуха, которая смогла взлететь. Сам Адер оставил самолёты, занялся автомобилями, сделал много ценных изобретений и, дожив до глубокой старости, увидел первые шаги авиации.

Кто-нибудь может спросить: да что такого сделали Можайский, Адер и им подобные, чтобы мы до сих пор чтим их память? Ведь по сути дела они потерпели явную неудачу, проекты их оказались неудовлетворительными, а самолёты так и не смогли взлететь. Но в технике и отрицательный результат опыта значит очень много. Для того чтобы

достигнуть успеха, изобретатель должен пройти длинный путь, на котором неудачи могут довести до отчаяния. Если же поставленная задача слишком грандиозна, путь оказывается таким долгим, что жизни одного человека и не может хватить на него. Лишь усилия многих людей, самозабвенно отдающих себя избранному делу, готовых идти до конца, могут дать возможность кому-то одному, кто учтёт весь их опыт, все открытия и все заблуждения, достичь наконец желанной цели. И поэтому слава, которой окружено имя Можайского в России, Адера — во Франции, Лэнглея — в Америке, Кресса — в Австрии, — это

искреннее и заслуженное признание потомков, поднявших наконец в бескрайние просторы пятого океана.

Если перелистать газеты и журналы семидесятилетней давности, то сразу бросится в глаза: первым воздухоплавателям в них уделено не меньше места, чем в сегодняшних — космонавтам.

Передо мной старинная фотография. Экипажи, катящиеся по аллее, кучера в цилиндрах, дамы в длинных платьях. А надо всем, над самыми верхушками деревьев важно проплывает небольшой аэростат. Это знаменитый Сантос-Дюмон направляется на своём девятом аэро-

стате в окрестности Парижа на скачки. Заметка сообщает, что знаменитый воздухоплаватель после нескольких заездов вернулся домой позавтракать и на время завтрака привязал аэростат к ручке двери, точно это была обыкновенная лошадь.

А вот другая фотография: словно гигантский огурец повис в воздухе, и крошечные муравьи — люди удерживают его за ниточки канатов. Гордость Франции, аэростат «Patrie»! Скорость — до сорока километров в час. Длительность полёта — семь часов. Подъёмная сила — шесть человек и запас бензина на десять часов.

Аэростаты цилиндрические и веретенообразные.

Дирижабли.

Граф Цеппелин у своего ангара на Баденском озере.

Майор Парсеваль.

Русский военный аэростат капитана Шабского.

На воздухоплавательных конгрессах идут жаркие споры. Чему принадлежит будущее? Аппаратам легче воздуха, то есть аэростатам и дирижаблям, или крылатым машинам и планёрам?

Страстный защитник крылатого полёта Отто Лилиенталь доказывает преимущества его не только словом, но и делом.

Он строит лёгкие планёры из ивовых прутьев, обтянутых парусиной, и сам испытывает их в полёте. Поднявшись на небольшой холм или башенку, он продевает руки в специальные гнёзда под крыльями, затем разбегаётся и прыгает против ветра.

Сначала ему удаётся продержаться в воздухе лишь несколько секунд.

Но талантливому инженеру достаточно и этих секунд, чтобы уловить недостатки конструкции. Одна пара крыльев плохо держит вес человека. Почему же не сделать планёр с двумя парами крыльев — одна над другой? Какая форма кры-

ла оказывается наиболее удачной? Похоже, что не плоская, а выгнутая, выпуклостью вверх. Равновесие же можно удерживать, балансируя в полёте собственным телом. Нужно только быть предельно внимательным, собранным, откликаться на малейшее колебание или крен аппарата.

Медленно, шаг за шагом приближается Лилиенталь к образцу, данному природой, к парящей птице. В Гросслихтерфельде под Берлином он устраивает специальный холм для своих полётов. При удачном ветре он может пролететь теперь сто-двести метров. Он держится в воздухе почти полминуты, иногда поднимаясь даже выше той точки, откуда совершён прыжок. Его известность в мире растёт, люди приезжают из других стран посмотреть на летающего человека. Многие начинают строить планёры по его описаниям, вносят усовершенствования, ищут новых путей.

Среди последователей Лилиенталья наибольшего успеха добивается американец Шанют. Крылья на его планёре расположены в несколько ярусов. Форма их может изменяться в полёте — благодаря этому отпадает необходимость балансирования. Пилот может удерживать равновесие, натягивая или ослабляя тросы, прикреплённые к концам крыльев.

Используя опыт, накопленный Лилиенталем и Шанютом, другие американцы, братья Вильбур и Орвилл Райт, идут ещё дальше. Жители Дэйтона по вечерам рассказывают друг другу, что владельцы велосипедной фабрики, эти молодые Райты, опять что-то затеяли: их видели — нет, не на тандеме, как несколько лет назад, а на обычных велосипедах, но — представьте себе! — с крыльями за плечами. Испытав таким своеобразным способом несколько типов несущей плоскости, они в 1900 году сооружают свой планёр-биплан. Руль высоты и изгибающиеся крылья помогают ему преодолевать как продольный,

так и поперечный крен. Запуск тоже довольно прост: несколько рабочих поднимают планёр за крылья и, разбежавшись, бросают его с обрыва.

Потом Райты устраивают специальное приспособление: груз, опускающийся с высоты и силой своего веса разгоняющий привязанный к нему планёр по коротким рельсам. За два года они настолько осваивают искусство летания на своём планёре, что могут держаться в воздухе около минуты и даже делать повороты.

Теперь дело за малым — поставить на планёр мотор.

На собственной фабрике они изготавливают винты и двигатель автомобильного типа мощностью 15 лошадиных сил и в декабре 1903 года совершают первые успешные полёты на машине тяжелее воздуха. В 1905 году они уже могут держаться в воздухе до получаса, возвращаться к месту взлёта, делая полный круг, развивая скорость до 60 километров в час.

С этого момента моторное воздухоплавание начинает одерживать одну победу за другой.

Несмотря на то что братья Райт хранили своё изобретение в строгом секрете, слухи об их полётах всё же просачивались в печать и подхлестывали рвение других авиа-

торов. «Постыдно будет для отечества Монгольфе, — писал один из руководителей аэроклуба Франции, — если оно допустит других сделать открытие, которое вызовет самую крупную научную революцию за всё время существования мира».

В 1906 году приз в пятьдесят тысяч франков, обещанный тому, кто первый преодолеет по воздуху расстояние в двадцать пять метров, достается вездесущему Сантос-Дюмону — его аппарат пролетел целых 220 метров.

В 1907 году бывший автогонщик Анри Фарман пролетел 771 метр, поднимаясь на высоту до шести метров.

Братья Райт спешат в Европу, выгодно продают патент на своё изобретение и победоносно вступают в соревнование с европейскими лётчиками.

Рекорды следуют один за другим.

Имена Райтов, Фармана, Сантос-Дюмона, Делагранжа, Блерио заполняют страницы газет.

НЕ ОТСТАЮТ и сторонники аппаратов легкой воздушности. Летом 1908 года Цепелин на своём дирижабле совершает триумфальный двадцатичасовой полёт над Швейцарией и благополучно возвращается в свой ангар на Баденском озере.

В воздух летят котелки, женщины машут платочками, поднимают детей. Мелькают фотографии: Вильбур Райт в своём аппарате, рядом с ним невзрачный человек в пиджаке и шляпе — испанский король; Фарман рядом с миллионером Аршедеаконом; Блерио влезает в свою «стрекозу». Все полны энтузиазма, создаются воздухоплавательные общества и кружки, собирают миллионные суммы пожертвований на нужды авиации.

Казалось бы, природа уже побеждена, вечная мечта человечества вот-вот осуществится, ещё шаг — и воздушный океан будет покорён. И посреди всеобщего ликования, может быть, только несколько человек в мире отдадут себе отчёт в том, что до полной победы ещё далеко. Что без научного осознания сил, управляющих полётом, воздухоплавание рискует остаться лишь увлекательным и экзотическим спортом нескольких смелых энтузиастов.

Поток радостных сообщений о новых рекордах всё чаще начинает прерываться мрачными известиями.

В 1896 году весь мир облетает весть о гибели Лилиенталя. Отважный исследователь, имевший уже опыт двух тысяч полётов, испытывал очередную конструкцию. День был довольно спокойным и ясным. Лилиенталь совершил прыжок и плавно планировал вниз вдоль склона холма. Внезапно налетевший порыв ветра поднял вдруг планёр на высоту тридцати метров, опрокинул его в воздухе и швырнул на землю. Когда Лилиенталя перенесли в помещение, он пришёл в себя и даже говорил, что собирается вечером продолжить опыты, не замечая при этом, что ноги и руки его парализованы. У него был сломан позвоночник. Ночью того же дня он скончался.

Гораздо более счастливым был Сантос-Дюмон. Куда только не падал он со своими аэростатами — на деревья, на поле, в воду, — но всегда при этом отделялся пустяками. Во время полёта к Эйфелевой башне баллон его пятого аэростата

лопнул и обрушился в простенок высокого дома в одном из кварталов Парижа. Каким-то чудом воздухоплаватель удалось уцепиться за выступ в стене и провисеть там до прибытия пожарных.

Знаменитая «Patrie», уже купленная военным министерством Франции и несшая патрульную службу в Вердене, во время одного из полётов была вынуждена опуститься на землю. Как впоследствии выяснилось, причиной остановки её пропеллеров были брюки рассеянного моториста, затянутые в мотор. Пока шёл ремонт, поднялся небольшой ветер. Из ближайшего городка был вызван отряд солдат для удержания аэростата. Но ветер всё креп-

чал, каждый порыв его валил с ног пятьдесят — сто человек. Кутру люди были так измучены, что не могли больше бороться со стихией. Офицер наконец решил выпустить газ из баллонов и побежал к верёвке аварийного клапана, но не успел. Аэростат вырвался из ослабевших рук, проволочил по земле самых упорных и взмыл вверх. Впоследствии его остатки были найдены за сотни километров — в Ирландии.

ЕЩЕ В ИЮЛЕ 1908 года Германия ликовала по поводу швейцарских полётов Цеппелина, а уже в августе общий восторг сменился унынием. Огромная сигара дирижабля, остановившегося для починки мотора неподалёку от Штутгарта, была подхвачена порывом ветра и сорвана с якорей. Двое мотористов, находившихся в гондоле, попытались выпустить водород через аварийный кран и спуститься. Но неизвестно откуда взявшаяся искра воспламенила смесь водорода с воздухом, и через несколько минут от серебристого гиганта осталась только груда обломков.

Месяц спустя первая серьёзная катастрофа постигла и самолёт братьев Райт. Орвилл Райт совершал свои первые публичные полёты в Америке. 15 сентября он полетел вдвоём с лейтенантом Сельфриджем. Самолёт сделал три круга и вдруг без всякой видимой причины перевернулся и рухнул на землю. Райт отделался ушибами, но Сельфридж разбился насмерть.

Однако дело было не только в человеческих жертвах. Герои и энтузиасты воздухоплавания сделали всё, что могли. Они доказали, что современная техника даёт возможность летать по воздуху. Двинуть прогресс авиации дальше их самоотверженность была не в силах.

Какие силы действуют на самолёт в воздухе? Как давит воздух на крыло? Как будет изменяться сила воздушного давления при увеличении скорости? При изменении угла наклона крыла? На взлёте и посадке? Как создать систему управления, которая не требовала бы акробатической ловкости первых пилотов?

Нужна была наука.

Наука о движении воздуха, о движении тел в воздухе.

В девятнадцатом веке такой науки ещё не было.

Прощай, папанинская льдина...

Есть на нашей планете две точки, где сходятся все меридианы. Их так и называют — «перекрёстками меридианов». Вы уже, наверное, догадались, что это за необыкновенные перекрёстки. Ну, конечно, — это Северный и Южный полюсы. Они уже были открыты путешественниками в начале нашего столетия... На Северном полюсе побывал Роберт Нири, а Руал Амундсен достиг Южного полюса. Каждый из них пробыл на «перекрёстке меридианов» всего лишь по нескольку часов. Но что можно узнать за такое короткое время? Наука получила лишь самые незначительные сведения.

Для человечества полюсы так и продолжали оставаться «белыми пятнами» на карте Земли. А проникнуть в тайну этих «белых пятен» нужно было обязательно.

Известно, что Северный полюс находится почти в центре огромного Ледовитого океана. Какова глубина океана? Каковы льды, покрывающие его на гигантских пространствах? Стоят ли они неподвижно или дрейфуют? Если да, то в каком направлении? Есть ли живые существа в холодных водах?

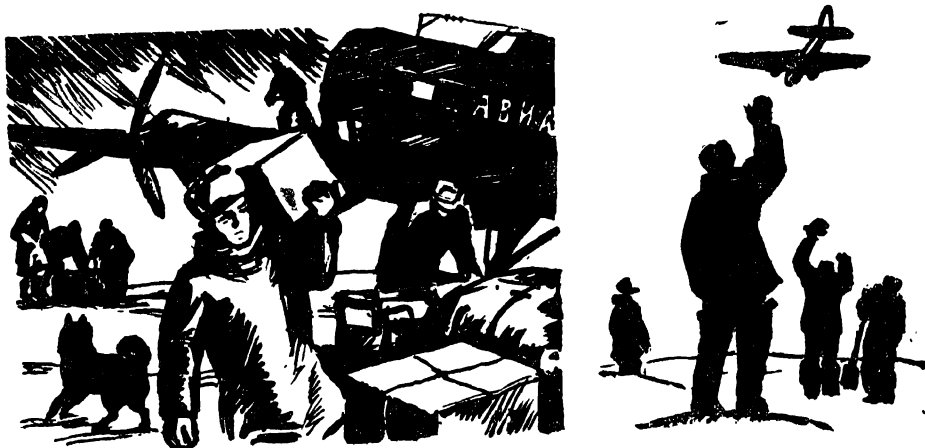
Арктику называют «кухней погоды»: здесь зарождаются циклоны и антициклоны,двигающиеся на материк и приносящие нам то холода, то свирепые ураганы, то длинную полосу дождливых дней... Что это за «кухня», что за «повара» хозяйничают в ней?

На северном «перекрёстке меридианов» решено было высадить четвёрку исследователей. Высадить не на день, не на месяц, а надолго, с тем, чтобы они изо дня в день детально знакомились и с жизнью океана, и с «повадками» ледяных полей, следили за погодой и передавали о ней сведения на Большую землю.

Железной волей и огромным мужеством надо было обладать, чтобы решиться участвовать в такой экспедиции. Имена этих отважных людей сейчас известны всему миру — это начальник экспедиции, бывалый советский полярник Иван Дмитриевич Папанин, опытный полярник радиист Эрнст Теодорович Кренкель и два молодых учёных, посвятивших себя изучению Арктики, — Пётр Петрович Ширшов и Евгений Константинович Фёдоров.

Экспедицию готовили долго и очень внимательно. Проглядел, забыл что-нибудь, и там, в центре Арктики, за две тысячи километров от родных берегов, это может обернуться несчастьем. Папанин ничего не забыл.

Прежде всего он позаботился о домике, где предстояло жить отважной четвёрке. Папанин пришёл на московский завод «Каучук» и, заказывая знаменитый домик, поставил перед конструкторами ряд условий. Домик должен быть тёплым и настолько лёгким, чтобы четыре его жильца, не разбирая, смогли при необходимости поднять и перене-

сти в любое место. При этом он должен быть прочным, способным выдержать удары самых злых ураганов.

На «Каучуке» выполнили заказ Папанина на пять с плюсом. Домик получился очень крепким и настолько лёгким, что не четверо, а даже один человек средней силы мог поднять его. Весил он всего 53 килограмма. У папанинского домика были необыкновенные четырёхслойные стены: наружные из толстого брезента, внутренние — из парусины. А между ними было ещё два слоя из гагачьего пуха, которые надёжно удерживали тепло.

Задумались: в какой же цвет покрасить жилище папанинцев? Доказано, что среди безбрежных снегов, на белом фоне, заметнее всего оранжевый цвет. И всё же покрасили домик чёрной краской. Для тепла. Ведь чёрный цвет лучше других поглощает солнечные лучи.

А как выглядел домик внутри? Он напоминал купе железнодорожного вагона: четыре койки попарно — одна над другой. Пол надувной из резины, покрытый мягкими и тёплыми оленьими шкурами. Надувные матрасы на койках.

В то время в обиходе были не гаснувшие на ветру фонари «Летучая мышь». Два таких фонаря не только освещали «купе» полярников, но и обогревали его. Фонари честно несли свою службу. Один недостаток был у них — они нещадно коптели. Но с этим пришлось мириться.

Когда не только домик, но и всё другое снаряжение — продовольствие, научные приборы, всевозможные механизмы — было подготовлено, наступил день отлёта на Северный полюс.

Стартовала экспедиция из Москвы на нескольких мощных самолётах. Посадку они совершили вначале на одном из островов Земли Франца Иосифа. Тут некоторое время выжидали хорошую лётную погоду. Тем временем папанинская группа пополнилась ещё одним, пятым зимовщиком. Это был чёрный пёс из породы лаек. За свой необыкновенно живой характер он получил кличку Весёлый. Папанин брал его с собой не только для веселья, Весёлый должен был нести службу сторожа, предупреждать о неожиданном приближении белых медведей.

21 мая 1937 года самолёты доставили папанинцев на «перекрёсток меридианов». Флагштурман экспедиции И. Т. Спирин определил место высадки и объявил: «90 градусов северной широты. Полюс!»

Вместе с другими необозримыми ледяными полями дрейфовала и папанинская льдина. До самого конца героического дрейфа каждый день, каждый час и каждую минуту менялся её адрес.

6 июня 1937 года всё устройство дрейфующей станции было завершено, самолёты, доставившие папанинцев на Северный полюс, улетели. В этот день Пётр Петрович измерил глубину океана. Она оказалась 4290 метров.

Четверо героев остались одни. Не на твёрдой земле, а на льдине, медленно плившей над чёрными океанскими глубинами. Началась необыкновенно трудная работа. Надо было производить магнитные измерения и наблюдения за погодой — это делал Фёдоров. Надо было брать пробы воды из различных слоёв океана, измерять регулярно его глубины — это была обязанность Ширшова. Сверхтяжёлое было это занятие — опускать трос длиной в несколько тысяч метров, а особенно вытаскивать его обратно на сильном морозе с помощью ручной лебёдки. Тут уж работали всей четвёркой.

274 суток продолжался дрейф папанинской льдины в местах совершенно неизведанных. Каждый день, каждый час их подстерегали опасности, грозившие гибелью. Льды были совсем не такими спокойными, какими они показались в первые недели дрейфа. Огромные ледяные поля сталкивались, как сказочные гиганты, друг с другом, по ним начинали змеиться чёрные трещины, над ними поднимались белые страшные валы.

Папанинскую льдину ломало, крошило, трещины перечёркивали её во всех направлениях. Всё время следовало быть начеку: спасать склады с продовольствием, спасать домик. Теперь вы понимаете, почему Папанин требовал, чтобы он был лёгким.

К концу дрейфа льдину обломало настолько, что она превратилась в маленький «пятачок», шириною всего лишь три десятка метров. Смертельная угроза нависла над героической четвёркой, и начальник дрейфующей экспедиции Иван Дмитриевич Папанин передал на Большую землю радиограмму об опасности.

Вся страна немедленно пришла на помощь папанинцам. Первым к берегам далёкой Гренландии, вблизи которой дрейфовала льдина, вышел из Мурманска небольшой промысловый бот «Мурманец». Предполагали, что небольшому судёнышку легче будет лавировать в трещинах между льдинами.

Следом за «Мурманцем» вышел ледокольный пароход «Таймыр», а за ним, чуть позднее, ледокольный корабль «Мурман». В Ленинграде спешно готовили к походу могучего «Ермака» — «дедушку» нашего ледокольного флота.

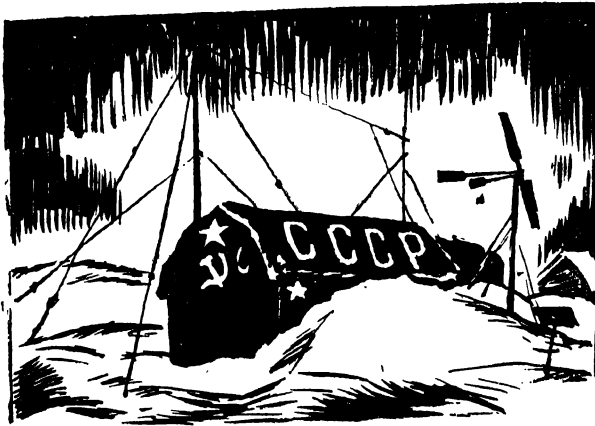
Мне посчастливилось в качестве корреспондента «Ленинградской правды» принять участие в экспедиции по снятию папанинцев со льдины. В первых числах февраля я находился на борту «Таймыра», отвалившего от стенки одной из пристаней Мурманского порта.

На протяжении всего плавания «Таймыр» не выходил из полосы штормов. Наш старый ледокол клало с борта на борт, на палубу обрушивались огромные волны. Но командир «Таймыра» Борис Дмитриевич Барсуков и вся его команда были испытанными моряками и с честью выдержали борьбу с разбушевавшимся океаном. Лишь после того как наш корабль вошёл в полосу битых льдов, проклятая качка прекратилась.

В это время мы узнали, что маленький бот «Мурманец» затёрло во льдах и он всеми силами пытается вырваться из полярного плена.

Где-то за нами шёл ледокольный пароход «Мурман», а за ним, хоть и очень ещё далеко, рассекал морскую волну богатырь «Ермак».

Папанинская льдина уже где-то совсем близко. Между «Таймыром» и «УПОлом» — так называлась радиостанция Эрнста Кренкеля — установилась прочная связь. Сквозь битый лёд наш старый ледокол,

хотя и медленнее, чем по чистой воде, приближался к затерявшемуся на белых полях лагерю четырёх отважных. Вскоре около нас оказался и «Мурман».

Очень волнующей была ночь на 19 февраля. Волновались в эти часы и папанинцы, чувствуя, что корабли, пришедшие на выручку, уже совсем рядом. Иван Дмитриевич запустил световую ракету. Она была соединена с маленьким парашютом, и яркий огонёк медленно спускался на льды, светясь в чёрном небе. Никто не мог заснуть в эту незабываемую ночь, все с нетерпением ждали рассвета. Оба корабля отдали ледовые якоря, зацепившись за кромку большого ледяного поля.

Наконец рассвело. Решено было, что корабли так и останутся стоять у кромки, а в лагерь папанинцев направятся все участники экспедиции и свободные от вахты моряки. Мы построились в колонну. Во главе её развевался алый стяг. Уже вдали тоненькой чёрточкой была видна антенна кренкелевской радиостанции. Впереди всех шёл наш водолаз Борис Архиреев с досками на плече. Это «мосты» на случай, если нам попадутся трещины.

Вначале все шли строем, строго поддерживая порядок в колонне. Но вот показались уже и флаги, развевавшиеся над папанинским лагерем. Откуда-то до нас донёсся тревожный, залиvistый собачий лай. Расстояние уменьшается, мы ускоряем шаг и вскоре уже чётко различаем на высоком торосе четырёх человек. Чтобы поскорее увидеть нас, они забрались на ледяную высоту.

Я познакомился с четырьмя героями ещё до того, как они вылетели на полюс. Особенно хорошо я знал Петра Петровича Ширшова, жившего в Ленинграде, не раз встречался с ним, бывал у него дома на улице Восстания. На льдине Петру Петровичу дали кличку Пепе (Петр Петрович). И вот теперь мы крепко обнимаемся, и я вижу, как сильно он похудел. И не только он, но и все остальные участники папанинской зимовки. Во время дрейфа они носили бороды. Как ни говори, а борода немного защищает от свирепых холодных вихрей. Правда, перед встречей с нами все четверо решили побриться. Но волновались зимовщики так сильно, что при бритье все основательно порезались.

Тут же устроили небольшой митинг. Мы им передали привет и поздравления от нашей великой Родины, от всех советских людей, не перестававших думать о них. С ответным словом выступил начальник дрейфующей станции Иван Папанин.

Между тем откуда-то из гряды острозубых торосов всё время доносился лай Весёлого. Незадолго до встречи с нами в лагерь папанинцев нагрянул белый медведь, и тогда Весёлый показал себя настоящим храбрецом, бросаясь на белого великана и ловко увёртываясь от взмахов его богатырских лап. А вот теперь струхнул. Отвык, видимо, от людей, да ещё такого множества, и почёл за лучшее притаиться в укрытии и оттуда громким лаем выражать своё негодование. Папанин, добравшись до Весёлого, быстро урезонил его.

— Ну что же, будем собираться, — сказал Иван Дмитриевич.

Это означало, что надо собрать всё имущество дрейфующей станции и доставить его на корабли. Но прежде чем приступить к этой работе, папанинскую льдину отдали в распоряжение двух кинооператоров и журналистов с фотоаппаратами. Ведь надо было показать народу, какими мы застали знаменитый лагерь и его зимовщиков.

— Вам предоставляется четверть часа, и ни одной минуты больше, — объявил начальник экспедиции по снятию папанинцев — Анатолий Владимирович Остальцев.

И мы торопились полностью использовать это время. Я заснял тогда всё, что мог, на двух кассетах плёнки.

Многие из вас, наверное, бывали на улице Марата, в музее Арктики и Антарктики. Тридцать пять лет назад он по сути дела ещё только начинался. Работники музея, где только могли, искали новые экспонаты. Различные предметы с папанинской льдины, разумеется, были бы бесценными реликвиями для молодого музея. Один из участников нашей экспедиции научный сотрудник Арктического института биолог Пётр Рудаков получил специальное задание — собрать всё, что только возможно, в папанинском лагере и доставить в Ленинград.

Ну, что, по-вашему, прежде всего надо было увезти с дрейфующей льдины? Конечно, знаменитый домик. За него мы и принялись в первую очередь. Надо сказать, что за время дрейфа его занесло снегом до самой крыши, причём снег этот затвердел и не уступал по крепости полярному льду. Все мы работали с величайшей осторожностью, откалывая комки снега и ледяные наросты, чтобы не повредить стенок домика. Насколько бережно трудились люди, вы можете убедиться теперь сами, посетив музей и увидев целёхонький папанинский домик — необыкновенную постройку, приютившуюся на «перекрёстке меридианов».

Вот наконец домик освобождён от снежных и ледяных оков. Но внутри он полон папанинским добром. Заходим туда. Выносим шкуры, койки, матрацы, столик, лампы, кухонную утварь. А вот и полка с книгами четырёх зимовщиков...

Откровенно говоря, каждому из нас хотелось заполучить какой-нибудь сувенир на память о необыкновенной встрече во льдах Гренландского моря. Хозяева поняли наши желания и пошли навстречу. Книжки редкой библиотеки, продрейфовавшие вместе с папанинцами, быстро исчезли в карманах моряков.

На одной из стенок висела карта Арктики, очень сильно почерневшая от коптевших «Летучих мышей». Ну и что ж, что она почернела, ведь это лучшее свидетельство того, в каких нелёгких условиях жили папанинцы! Я посмотрел на Пепе, и, хотя не сказал ни слова, он угадал моё желание. Ширшов снял карту. Я дал ему карандаш, он расписался на карте и, поставив дату: «19 февраля 1938 года — Гренландское море», подарил её мне. И по сей день я берегу эту карту как память о нашем гренландском походе.

Когда домик разобрали, его положили на нарты, которые были в хозяйстве Ивана Дмитриевича, и повезли на «Таймыр».

Пётр Рудаков хлопотал около лебёдки. Ширшов помогал ему, приговаривая:

— С превеликой радостью отдаю тебе сей механизм, который опротивел мне до чёртиков... Вот она, память о лебёдке. — И Пепе раскрыл ладони с бугристыми мозолями.

Можно было понять милого, скромного Пепе. Ведь теперь на дрейфующих станциях все работы механизированы, а Ширшову и его спутникам приходилось всё выполнять вручную по нескольку часов сряду.

Предельно бережно относился Ширшов к многочисленным бутылочкам, наполненным водой, поднятой с разных глубин, в разных точках океана. Ведь как раз для этих гидрологических проб он искровенил и отморозил свои руки, нажил твёрдые как камень мозоли. Не подумайте, что вода в бутылочках одинаковая. Все пробы отличаются солёностью, химическим составом, другими качествами. Они во многом помогают раскрывать тайны океана.

На квартире у Ширшова, на подоконнике, я ещё до знаменитого дрейфа видел целую коллекцию таких бутылочек с водой. А по наклейкам можно было узнать, какая богатая жизнь у этого молодого учёного, где побывал он, где брал гидрологические пробы. На наклейках — надписи: Карское море, Море Лаптевых, Чукотское, Берингово, Норвежское, Баренцево, Охотское, Восточно-Сибирское...

Вот и теперь, осторожно и надёжно упаковав пробы, перевязав папки с записями всевозможных наблюдений, приборы, Ширшов уложил всё на нарты и убедительно просил:

— Ребята, потише, пожалуйста, — всё, что на нартах, для науки дороже золота...

Настала очередь папанинских складов. Девять с лишним месяцев дрейфовали полярники, но продовольствия захватили с собой на более долгий срок. Мало ли что могло случиться. Всегда должен быть так называемый аварийный запас. Но кроме аварийного запаса у такого хозяина, как Папанин, образовалось немало излишков. Ещё на Большой земле, когда готовили экспедицию, набор продовольствия упаковывали в специальный металлический бидон и запаивали его. Каждый такой бидон был рассчитан для питания трёх человек в течение десяти дней.

Питались папанинцы очень хорошо, каждый ел вдоволь. И всё же получилось, что бидона с продовольствием хватало на пятнадцать дней.

Выходило, что после каждых двадцати дней, прожитых на льдине, один бидон с продовольствием оказывался сэкономленным. Аварийный запас да ещё тринадцать сэкономленных бидонов — не оставлять же это на льдине! Всё поехало на корабль.

И всё же кое-что оставили в папанинском лагере. Существует неписаное и вместе с тем незыблемое правило у полярников: покидая зимовку, отправляясь на Большую землю или в другую точку Арктики, полярники всегда оставляют на месте старого жилья — в доме или в палатке — небольшой запас консервов, муки, крупы, соли, сахара, а также горючее — дрова или уголь, керосин, а иногда и предметы одежды. Всё может случиться. Попавший в беду путешественник, обессиленный неравной борьбой с бурями, со льдами, вдруг доберётся до такой заброшенной зимовки — и здесь ждёт его спасение.

Это святое правило человеческого братства выполнил и Иван Папанин. На льдине был оставлен запаянный бидон с продовольствием, бидон с горючим и некоторые другие предметы, которые могут потребоваться терпящему бедствие путешественнику.

Уже почти всё было перевезено на корабли. Оставалась лишь одна радиостанция. Она находилась в небольшом ледяном углублении. Брезентовый навес уже сняли с неё. Эрнст Кренкель сидел за передатчиком и передавал последнюю радиogramму. Это был рапорт Советскому правительству об окончании работ дрейфующей экспедиции Главсевморпути.

Но перед этим я попросил Пепе, чтобы он уговорил Кренкеля передать в эфир маленькую радиogramму для моей редакции. Эрнст Теодорович согласился. И хотя радиogramма содержала всего четыре десятка газетных строчек, я до сих пор горжусь тем, что передана она была перед самым закрытием радиостанции «УПОЛ». Радиogramму газета напечатала на самом видном месте первой страницы.

Послав в эфир последние слова о том, что «УПОЛ» прекращает своё существование, Кренкель сам начал размонтировать свою рацию. Эту работу он никому не доверял. Не только размонтировал, но и самолично грузил на нарты и сопровождал их до «Таймыра», где под наблюдением Эрнста Теодоровича наконец погрузили его хозяйство.

Четверо папанинцев готовы были взойти на борт кораблей, а вот пятый зимовщик куда-то запропастился. Наконец нашли Весёлого и

чуть ли не силой водворили его на «Таймыр». Он огрызался и даже кусался, но крепкие руки матросов цепко держали взбунтовавшегося пса. Попал Весёлый под «домашний арест», заперли его в одной из кают, откуда долго раздавался его тоскливый вой.

Прощай, льдина! Папанин укрепляет на одном из торосов красный флаг нашей Родины. Все повернулись к нему. Я смотрю на папанинцев и вижу, что, несмотря на радость близкого возвращения на Родину, им немного грустно расставаться с льдиной, которая 274 дня была их домом, где столько было пережито опасностей, столько выполнено различных исследований...

Вахтенные командиры на «Таймыре» и «Мурмане» увидели приближающихся четырёх героев. И, приветствуя отважных, басовито загудели корабли...

ИГОЛКОЙ ТОЖЕ РИСУЮТ

(К гравюрам на 3-й странице обложки)

Чем люди рисуют? Вы скажете:

— Карандашами, перьями.

И будете правы. Добавьте:

— Углем.

И тоже верно.

— Мелом.

Конечно. Ещё сколько! На классных досках, на асфальте, на стенах. Мелом рисуют даже слишком много. Больше, чем надо. Стенки ведь портятся.

Ну, а ещё чем?

Если вы возьмёте иглу и процарапаете ею что-нибудь интересное по лаку, застывшему на цинковой пластине, а потом протравите кислотой, забьёте красной штрихи, прижмёте к цинку лист белой бумаги — тоже получится рисунок. И ещё какой! При условии, конечно, что вы хорошо рисуете.

И если вы возьмёте не иглу, а что-то вроде резца — острый и удобный инструмент под названием штихель — и вырежете свой замысел на куске линолеума, потом накаたете валиком краску на этот линолеум и прижмёте к нему бумагу, у вас тоже отпечатается рисунок.

Можно взять картон, пропитать клеем и царапать по нему. Можно резать по дереву, меди, стали... ну и так далее и тому подобное.

Правда, возникает вопрос: а зачем городить такой сложный огород? Не лучше ли просто, без затей, карандашом по бумаге... Не напрасны ли все ухищрения?

Отвечаем: не напрасны. Каждая техника изображения таит в себе множество дополнительных возможностей. Овладеть ими не так-то просто, требуется и чутьё и понимание. Но если уж овладеете — будет здорово.

В этом вы можете убедиться, рассматривая гравюры на линолеуме и картоне эстонских ребят из 9-й восьмилетней школы города Пярну. Школа эта самая обыкновенная, не художественная. Но маленькие эстонцы ужасно любят рисовать, рисуют много, а потому многому научились.

И знаете, что им помогает? Они очень радуются, когда видят лошадей, скачущих целым табуном, мельницу с вращающимися крыльями, костёр, сыплющий искры в ночное небо, паруса, вздымающиеся над сверкающим льдом залива. С большим удовольствием разглядывают, как их отцы строят корабли, как их бабушки вяжут чулки, как работают совсем незнакомые люди. А когда радуешься тому, что рисуешь, рисунки только выигрывают.

Гравюра позволяет получать множество экземпляров каждого рисунка, и все они будут подлинниками. Представляете, сколько друзей можно одарить! Эстонские ребята очень хорошо учитывают эту возможность. Недавно великолепный комплект своих работ они прислали в подарок ленинградским пионерам.

Я шёл по незнакомой мне улице. Дома провожали меня грустными взглядами, потому что была весна и с крыш текло. Солнце старалось высунуться из-за туч, а те его не пускали, и потому я шёл то по освещённому асфальту, то попадал снова в полосу тени.

Улица была застроена только по одной стороне, по другую её сторону за невысокой, но плотной деревянной оградой раскинулся сад. В самом конце улицы, у забора, собралась небольшая толпа. Человек пять сгрудились, нагибаясь и заглядывая в канаву. Мне стало любопытно: что это там?

В канаве под забором лежала собака и оттуда, снизу смотрела на людей. А люди, стоявшие наверху, прятали глаза от её взгляда. И только тут я разглядел, что она не одна: около неё копошились шесть чёрных, маленьких, видимо, только что родившихся щенков. Они были, конечно, ещё слепыми и, ничего не видя, ползали, всё время натываясь на стенки канавы. Я стал ещё одним очевидцем этой сцены, по-видимому, называющейся трагедией.

Собака смотрела на меня. Взгляды наши встретились. Собака смотрела так, будто хотела выразить взглядом и стыд за что-то перед всеми этими людьми, наверное за то, что вот она так взяла и родила прямо здесь, в канаве, и какую-то страшную горечь и обиду, и, наверное, боль. А может быть, это только мне показалось. Но почему же мы старались не смотреть ей в глаза?..

Шли по улице счастливые, довольные люди, и вдруг на тебе, такой неприятный случай с какой-то собакой. Почему из-за какой-то собаки людям должно становиться не по себе? Прекрасные, замечательные люди, а тут всякие соба-

ки. Почему это хорошо поработавшему человеку, заслужившему двухдневный отдых, может портить настроение какое-то животное?

Один из стоявших, в замшевой кепке, выразив, видимо, общие невысказанные мысли, деловито сказал:

— Вызвать надо кого-нибудь. Чтоб убрали её отсюда.

И пошёл прочь. В руке у него был портфель, и чёрный, аккуратно повязанный шарф красиво выглядывал из добротного пальто. Человек старательно перепрыгнул лужу, пытаясь не замочить элегантных ботинок и, не оглядываясь, зашагал по улице. Навстречу солнцу.

Молодая пара, стоявшая около меня и, видимо, чувствовавшая себя очень неловко, боком протиснулась мимо и, не глядя друг на друга, пошла по улице вслед за мужчиной с портфелем, всё ускоряя и ускоряя шаги. Они шли молча. Эта собака, видимо, многим сегодня испортила настроение.

Около собаки остались я, маленькая старушка и человек лет сорока с незапоминающимся лицом. Бывают такие люди. Они — как среднее, арифметическое. Когда посмотришь на такого человека, кажется, что уже много раз его встречал, а в действительности видишь его впервые. Старушка тоже была обычная. Она посмотрела вслед ушедшим, потом обернулась к собаке, вздохнула: «Что ж это ты так оплошала, а?» Я тоже взглянул вниз. Собака как будто поняла смысл слов и покорно, виновато опустила голову, словно действительно в чём-то провинилась. Собака была дворняжкой, на породу не было и намёка, но я почему-то проникся к ней

уважением. А старушка говорила с собакой, как с давней знакомой: немного шепелявила и после каждого слова добавляла, обращаясь к собаке: «милая».

Старушка говорила, мы слушали. Мужчина, стоявший рядом со мной, кашлянул в кулак и проговорил:

— Ну, ладно, бабуса, надо брать, нельзя оставлять так.

Голос у него был глуховатый.

Старушка сразу начала очень быстро объяснять, что живёт она здесь рядом, что собаку и верно надо непременно взять, иначе щенки так и пропадут, и что щенков сейчас надо поделить между нами и скорей забрать, чтобы с ними худого не стало.

Выговорив всё это, старушка остановилась, передохнула и посмотрела на нас. Собака же словно понимала, что решается её судьба, и переводила взгляд то на меня, то на старуху, то на мужчину. Кто-то подошёл ещё, остановился, посмотрел через наши плечи и пошёл дальше.

Подул ветер, поднял обрывок газеты и бросил его на собаку. Та даже не повернула голову: она ждала. Я мучительно быстро соображал, что отвечу: ведь здесь я в командировке и завтра уезжаю. Куда же я денусь со щенками? И что мне сказать сейчас?

Неожиданно собака поднялась на ноги, подтолкнула носом одного из щенков к краю канавы и умоляюще, просяще посмотрела на нас. Потом взяла в зубы второго щенка и поставила туда же.

— Милая, родная, что же это ты делаешь! Возьмём, возьмём, родненькая! — забормотала старушка. Собака села, высоко закинула голову и тихо, тонко, жалобно заскулила.

— Вот ведь что увидеть-то довелось, — бормотала старушка. —

Мать сама отдаёт. Своих детей отдаёт.

Очевидно, так оно и было. Но как было это объяснить? Всем известно, как защищает собака своих щенят. А тут?

Мужчина нагнулся и погладил собаку, она лизнула руку и снова просяще взглянула в глаза. Потом ткнулась носом в щенков. Старушка опять запричитала:

— Ну, вы посмотрите, ой, ну вы посмотрите, ну прямо как человек, как человек! — И тут же: — Ой родненькая ты моя, ой несчастная, детей-то отдаёшь, детей. — Она нагнулась и согнутыми, наверно, трудно разгибающимися пальцами обеих рук обняла собаку за голову.

Я знал, что они сейчас возьмут щенков. И ведь они надеются на меня. Им вовсе не важны мои уважительные причины. Просто через минуту я окажусь по ту сторону, с теми тремя...

— Ничего, миленькая, у меня проживёшь, и щенят твоих прихватим, — старушка, взяв нескольких щенков на руки, обернулась ко мне. Я сразу покраснел.

— Да я в командировке, — еле выдавил я из себя мучительно.

Старушка отвернулась. Мужчина, нагибаясь за щенком, из-под локтя посмотрел на меня. Никогда ещё в жизни я не чувствовал себя так скверно.

Старушка сняла с головы платок, завернула в него щенков и сказала:

— Ну ладно, милоч. Командированный — значит, командированный.

Мужчина поднял на руки остальных щенков и, не глядя на меня, проговорил:

— И взятки гладки.

И они пошли. Собака бежала между ними.

Я стоял не трогаясь с места. Мне осталась только вмятина в канаве, где раньше лежала собака.

...в польских лесах насчитывается до 300 зубров? Благодаря заботам польских лесников они хорошо переносят снежную зиму. Наиболее многочисленное стадо «королей леса» — 192 зубра — обитает в Беловежской пуще.

...человек обладает большими резервами не только физических, но и умственных способностей? Ресурсы мозга необычайно велики. Человек в среднем использует лишь 4 процента общего количества нервных клеток, а их в мозгу около 15 миллиардов. 96 процентов остается в резерве.

...на Константиновском заводе высоковольтной аппаратуры разработаны очки, которые «видят» в темноте? В их роговую оправу встроены микролампочки. Они-то и освещают интересующий вас предмет. Питаются лампочки от обычной карманной батарейки. Имея такие очки, можно читать и в темноте.

...в 1973 году намечено закончить строительство Невского водопровода, который будет обслуживать ряд городов Ленинградской

области. Всего за пятилетку будут построены водопроводы в 700 городах и рабочих посёлках страны.

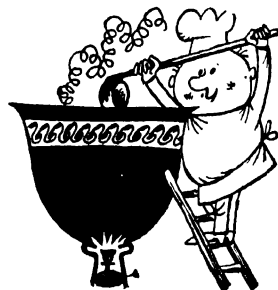
...археологи Одессы обнаружили остатки древнегреческого города, относящегося к IV—III векам до нашей эры, на берегу Тилигульского лимана, близ села Кошары? В земляном склепе на глубине трёх метров оказалось захоронение греческого воина. Найдены бронзовые наконечники стрел, железное лезвие кинжала, чёрнолаковый килик для вина. Обнаружены и другие оригинальные изделия из чёрнолаковой древнегреческой керамики. Предполагается, что найден полуполярный город Одессос, о котором много писали античные авторы.

...ночной воздух опасен? К такому выводу пришли учёные, обнаружив сильное бактерицидное вещество, образующееся в воздухе ночью. Был проведён такой опыт: одну камеру с бактериями поместили на крыше лаборатории, другую в закрытом на ночь помещении. Ночной воздух за 30 минут убил половину бактерий, ещё через 3 часа погибли остальные. По мнению учёных, «ночной яд» получается в результате реакции некоторых продуктов автомобильного выхлопа с озоном воздуха. Эта реакция может идти только в темноте.

...необычный прокатный стан создан учёными Белоруссии? Вместе с мотором он весит менее пяти килограммов. Проволока из тугоплавких металлов, прокатываемая на микростане, в 10 раз тоньше человеческого волоса. Работа на нём ведётся с помощью микро-

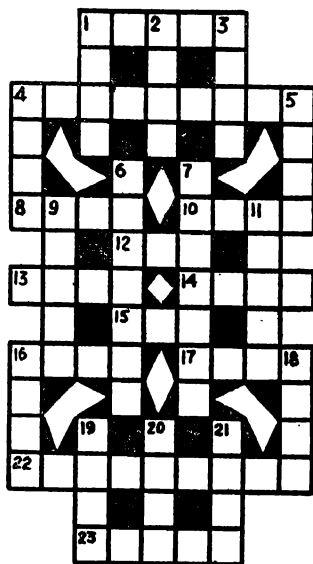

...Средняя Азия славится не только древними архитектурными памятниками? Новейшие исследования учёных свидетельствуют о том, что жители этого края в древности были искусными металлургами. В отрогах Тянь-Шаня, пустыне Кызылкум найдены многочисленные остатки горного и металлургического производства. В окрестностях Ташкента при земляных работах обнаружен... «царь-котёл». Диаметр этого чугунного сосуда около полутора метров, вес — более полутонны.

...древесина, пропитанная особым составом, не воспламеняется даже при температуре 750 градусов? Такой состав, названный «антимонит», разработали польские судостроители. Пропитанные ими деревянные детали судна полностью гарантируются от пожара.

В этом кроссворде слова отгадывать не придется, они известны. А вот как определить номер каждого слова? Для этого каждое

слово нужно вписать в соответствующие клетки кроссворда.

Сделать это не так просто, как может показаться с первого взгляда.

Марокко. Анна. Рондо. Ость. Каракас. Рур. Котик. Кок. Тара. Арка. Кола. Кома. Акка. Арфа. Свет. Кокс. Крем. Абонемент. Клер. Агломерат. Смех. Кусок. Омёт. «Клоп». Крен. Ротон.

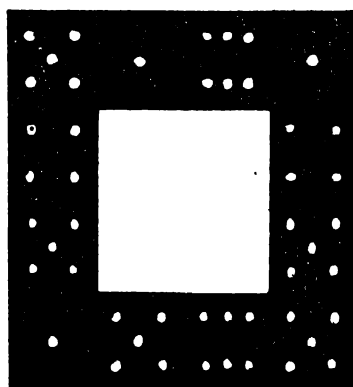
ПЛЕТЁНКА

На двенадцати полосках бумаги были написаны шестибуквенные слова. Затем эти полоски переплели между собой и некоторые из букв оказались закрытыми другими полосками.

Какие слова были написаны?

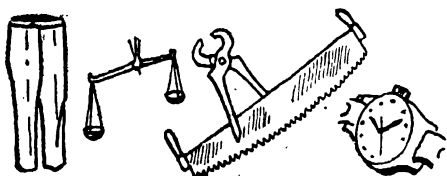
ДОМИНО

Из набора косточек домино сложена фигура, которую вы видите на рисунке.

Попробуйте определить, какие косточки пошли на её изготовление.

ПЯТЬ ПРЕДМЕТОВ

У четырёх из изображённых предметов есть что-то общее, что объединяет их, иначе говоря, они обладают каким-то общим признаком. Отыскав этот признак, вы найдёте и предмет, который не отвечает этому признаку и является лишним в этом ряду.

Проверь себя

(Ответы к «Искорне» № 1)

ЦИКЛОКРОССВОРД

1. Пирог. 2. Опекун. 3. Улитка.
4. Изомер. 5. Зонтик. 6. Аконит.
7. Молния. 8. Кинжал. 9. Интерьер.
10. Стопин. 11. Сажень. 12. Ереван.

КОЛЬЦА

Тот герой, кто за родину горой.

ОДИН ЛИШНИЙ

«Лишней» является кисть. Она изготовлена не из одного какого-либо материала, а из нескольких.

Содержание

Песня о связных. Слова Л. Барбас, музыка В. Витлина	1
Алая лента. Очерк В. Фарберова	2
Фронтовые дороги. Рассказы И. Демьянова	7
Груши. Операция «Иван Грозный». Рассказы А. Конгоро	12
В гостях у тучи. Стихи Льва Куклина	18
Жаворонки прилетают сюда. Продолжение повести Леонида Шестакова	21
Снегопад. Стихотворение Л. Замятина	35
Наш Русский музей. Статья О. Туберовской	36
Бабкино бюро прогнозов. Стихотворение Е. Русакова	43
Рассказы о науке полёта. Очерк Игоря Ефимова	44
Прощай, папанинская льдина. Очерк Эд. Аренина	51
Иголкой тоже рисуют. Текст к рисункам на 3-й странице обложки	58
Случай. Рассказ А. Видгопа	59
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок художника Ю. Бочкарева «И в подарок, и в награду».

На 2-й странице обложки — ноты «Песни о связных».

На 3-й странице обложки — «Иголкой тоже рисуют».

На 4-й странице обложки рисунок художника А. Курушина «Вялочко!»

Редактор В. Л. БИАНКИ

Редактор-составитель В. Н. СУСЛОВ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов, Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов, А. М. Млодик

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 12-87-55

Сдано в набор 2/II 1973 г. Подписано к печати 6/II 1973 г. 4 п. л.
М-37747. Зак. № 4. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 56 500 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского. Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 57.

